

СИБИРИАДА

ВАЛЕРИЙ
КУЗЕНКОВ

ЗАКОН ТАЙГИ

Сибиряда

Валерий Кузенков

Закон тайги. Из записок охотоведа

«ВЕЧЕ»

2025

УДК 821.161.1-3
ББК 84(2Рос=Рус)

Кузенков В. П.

Закон тайги. Из записок охотоведа / В. П. Кузенков — «ВЕЧЕ»,
2025 — (Сибириада)

ISBN 978-5-4484-5169-0

Это сборник лучших рассказов профессионального охотника, журналиста, писателя, главного редактора журнала «Охота» Валерия Кузенкова. Захватывающие, порой трагичные истории, происходившие с автором и его друзьями за многолетнюю практику биолога-охотоведа, переработанные из дневниковых записей в художественные произведения, не оставят читателя равнодушным. Простые люди с непростыми судьбами — главные герои книги — помогут взглянуть на мир иначе, задуматься о ценности жизни, об отношении к природе, о том, что человек в тайге — лишь гость...

УДК 821.161.1-3
ББК 84(2Рос=Рус)

ISBN 978-5-4484-5169-0

© Кузенков В. П., 2025
© ВЕЧЕ, 2025

Содержание

Разговор о деревне	6
Гончатники	17
За первым медведем	24
Золотая лихорадка	30
Рагу по-охотничьи	38
Блесна из ружейной пули	46
Возвращение с дипломной практики	51
Охотничьи инспектора	59
Конец ознакомительного фрагмента.	67

Валерий Кузенков

Закон тайги

© Кузенков В. П., 2025

© ООО «Издательство „Вече“», 2025

Разговор о деревне

Деревня с красивым названием Липовка затерялась в одном из степных районов Пензенской области. Она самая обыкновенная, такая же, как тысячи других российских деревень, когда-то основанных русскими людьми. Когда это произошло, я, к сожалению, не знаю, как не знаю всех моих предков по линии отца, родившегося в Липовке.

К моему стыду, я не знаю и предков моей мамы, корни которой из Рязанской и Московской областей. Но мне почему-то хочется написать о Липовке, хотя и не знаю, откуда появилось такое желание. Может, из-за того, что я, как и мои дети, ношу фамилию тех далёких предков. Надеюсь, что она будет и у моих внуков...

Липовка – деревня, где прошло моё детство. Каждое лето я вместе с моей бабушкой, родившейся в Липовке в 1907 году, приезжал туда на всё лето. Я босиком бегал по деревенским улицам и тропинкам, купался и ловил рыбу в реке Сюверне, в тех местах, где рос мой отец, которого уже нет на этом свете. Как нет моих дедушек и бабушек, живших в Липовке. Но всё равно они живут в моей памяти и сейчас. Я вижу их как наяву.

А в деревню тянет, она зовёт. В последний раз удалось побывать там несколько лет назад вместе с отцом. Мы приехали, увидели Липовку, точнее, то, что от неё осталось, и сердце облилось кровью. Нет деревни. Удалось уничтожить деревню Липовку, мою маленькую родину. И хотя на свет я появился в Подмосковье, но никому и никогда не поверю, что моей земли нет там, в Пензенской области. Там, где на деревенском кладбище, на крутом берегу Сюверни, лежат кости моих родных. Я до конца своей жизни буду стараться туда приезжать снова и снова и привозить своих детей. Думаю, они не откажутся.

А тогда, в детстве...

Я маленький, родители молодые, да и моя бабушка Марфа ещё не старая, что-то около шестидесяти лет. Я счастлив. «В деревню! В деревню!» – стучит колёсами поезд, в котором мы отправляемся ночью из Москвы с Павелецкого вокзала.

Я не могу заснуть, лежу на второй полке плацкартного вагона и смотрю в окно. Станции, станции. Гудки паровозов...

– Спи, мошенник! Вырастешь, некогда и поспать будет, – накрывает меня одеялом бабушка.

– Баб, а Тамалу, станцию нашу, не проспим?

– Не волнуйся! – улыбнулась она.

– Ага, не волнуйся! Там же поезд всего минуту стоит!

– Я разбужу. Спи!

Я всё равно решаю не спать. Буду держаться. Но в вагоне тепло и сумеречно, впереди меня ждёт деревенская жизнь на все мои школьные каникулы. Вспомнились прошлогодние: деревня, река, дома, люди, овраги и вишнёвые сады...

– Внучок, вставай! Скоро Тамала. Проводница просила нас выйти в тамбур вагона.

Один миг, и я проснулся. Как же так, вроде не так давно чуть прикрыл глаза – и на тебе, приехали! Обидно!

Слетаю с полки, одеваюсь. Берём в руки наши сумки, набитые подарками для родных. Из подарков в основном еда: селедка, колбаса, конфеты. А для деда Платона бабушка везёт и бутылку хорошей московской водки. Он нас встречает, и его нужно уважить. Он мне по крови вовсе и не дед, но женат на бабушкиной сестре, и я зову его дедом. Мы живём у них всё лето.

Дед Платон для меня самый родной. Всегда небритый, одет в старый потёртый пиджак, на голове фуражка-копеечка, на ногах неизменные кирзовые сапоги. Курит скрученную из газеты «козью ножку». Затягивается, и я слышу, как слегка потрескивают кусочки табака-самосада. Иногда даже искры летят.

Дед Платон – деревенский конюх, вся его жизнь связана с лошадьми. На конюшне есть ещё один конюх – дед Фёдор. Он родной брат моего прямого деда Семёна, мужа бабы Марфы. Но я Семёна никогда не видел. В 1941 году он ушёл на войну и в деревню не вернулся. Он не погиб, нет. Под Смоленском попал в плен. Когда на поезде везли в Германию, Семён оторвал доски в полу вагона и прыгнул на рельсы, а за ним ещё пятеро пленных. Немец, стоявший на площадке в конце состава, расстрелял их из пулемёта. Все погибли, кроме деда... Он очутился в Белоруссии, жил там у кого-то из местных, шил сапоги. Потом попал в партизанский отряд. В конце войны у него родился ребёнок, говорили, от поварихи... Бабушка Марфа о нём никогда не вспоминала, но отец мой часто говорил, что после войны он и бабушка даже ездили к нему. Сейчас дети деда Семёна живут где-то на севере России. Жаль, что я его так и не узнал. Я прекрасно понимаю, что не будь его, не было бы и меня. А бабушка из-за деда старалась не знаясь и с его братом, Фёдором. Бог им судья...

– Станция Тамала! Поезд стоит минуту. Прошу пассажиров поторопиться! – кричит проводница, открывая дверь вагона.

Мы спешим. Секунда – и я на платформе, спрыгивает и бабушка. Ночь, вокзал, холодно. Я смотрю по сторонам – нас не встречают. Поезд тем временем стучит колёсами и уезжает. Дальше, дальше...

Привокзальная площадь освещена одним-единственным фонарём. К тому же лампочка очень тусклая. Вижу, как по площади бежит огромная крыса. Мы стоим, не зная, что делать. До Липовки двадцать с лишним километров.

– Хорошо, что дождя нет, – говорит бабушка, глядя на часы. – Может, утром машину попутную удастся найти. Грейдер должен быть сухой, проезжий.

Это сейчас асфальт, а тогда лошадь по брюхо в чернозём проваливалась. Грязища после дождя была такая, что не пройти и не проехать.

Мы берём вещи и идём к вокзалу, где собираемся ночевать.

– Марфа, здравствуй! – из темноты выходит дед Платон. – Малость задержался. Извините.

Я бегу к нему, и он подхватывает меня на руки. Дед жилистый и сильный. От него пахнет лошадьми и табаком.

– Пошли! – говорит он и пожимает бабушкину руку.

Несёт меня до телеги, где я прыгаю в пахучую траву. Нет, трава не степная, просто плети гороха, специально сорванные заботливой рукой деда.

– Чтобы мягко ехалось, – смеётся он.

До Липовки далеко, пока доберёмся, я гороховых стручков поклюю.

– Поешь. Как ты, внучок, подрос за зиму. – Он треплет мои волосы огрубевшей ладонью. – Ждут там, в деревне, тебя. Твои дружки к рыбалке готовятся. Но, милая! – кричит он и хлопает лошадь вожжами. Она дёргается и трогает телегу. Мы едем.

Я смотрю в темноту. И опять перед глазами речка Сюверня, дом деда Платона, разрушенная церковь на краю Липовки, в которой мы с ребятами часто лазили на колокольню за голубями. Так после войны, в голодные годы, лазил и мой отец. Они тогда ловили и голубей в церкви, и воробьёв в соломенных крышах изб, и ракушек-беззубок на реке. Мясо ракушек ели так же, как и мясо птиц. Только после ракушек их лица становились жёлтыми, как у китайцев. Однажды отец даже упал с колокольни. Летел вниз головой с мешком пойманных голубей в руках. Ударился о балку и перевернулся в воздухе, что его и спасло. Остался живой, только ногу подвернул. Бабка-костоправка из соседней деревни так хорошо её вправила, что в его жизни это осталось только в памяти...

Я засыпаю в телеге. Взрослые разговаривают между собой. А я не слышу, сплю.

– Но! Давай!

Вздрагиваю от голоса деда Платона и открываю глаза. Рассвело. Лошадь свернула с дороги к деревне. Видны посадки берёз и клёнов у церкви. Они посажены одними людьми по приказу других: «Будут снеготаяние задерживать, урожаю лучше!» А деревенские считают, что от посадок климат поменялся и урожаю только хуже. Я деревенским верю.

Смотрю на дома у реки. Это кусок Липовки со своим местным названием – Черводыровка. Есть Серединка – туда мы и едем. Третья часть – Кузята.

Дом деда Платона сложен из дикого камня – ракушечника, обмазан глиной вперемешку с коровьим навозом. Я в прошлом году помогал мешать. После того как дом обмазали, побелили. Крышу покрыли соломой. Нищета. Денег на шифер нет, не говоря уже о железе.

Вспоминаю рассказ отца, как однажды под церковным алтарём он нашёл золотые и серебряные монеты. Набрал полную фуражку. И всё в омут за деревней перекидал. Кинет одну монету, она по воде скачет и тонет. Прыгает и тонет. Интересно. Одну монету, правда, оставил и домой принёс. У бабушки Насти, моей прабабушки, при виде золота задрожали руки, а когда она узнала, где остальные монеты, чуть не упала в обморок. Побежала к реке, да разве на дне омута чего найдёшь?..

Ещё отец помнил, как его послали капусту поливать, а он прихватил удочку. Вместо лески – суровая нитка, вместо крючка – гвоздь, согнутый и остро заточенный, поплавок – пробка от бутылки. Он насадил червя, снасть в реку забросил. Пока поливал капусту, на удочку попался голавль, да такой, что еле из воды вытащил. Когда рыбину домой тащил, хвост голавля из ведра наружу торчал. Ели голавля всей семьёй.

За Серединкой, если перейти луг, попадаешь в Кузятю. Говорили, что там много Кузенковых жило. Оттуда Кузенковы по миру и расходились. Видно, они там первыми обосновались, хотя в деревне жили семьи и с другими фамилиями...

Подъехали к дому. Пока дед Платон лошадь к столбу привязывал, мы с бабушкой вошли в дом. Сестра её, баба Люба, с дочерьми нас встречают, говорят, что я вырос. Хорошо, коли так. Мы разбираем вещи, все суетятся. Баба Люба берёт кошёлку и идёт за навозом. Печки в деревне топят только им. Леса в округе ведь нет, а значит, нет и дров. Поэтому скоту всю зиму стелют солому и её не убирают. По весне режут ножовкой навоз с соломой и лежалую подстилку, предварительно просушив, складывают в огромные омёты. Этим и топят. Я с такого омёта однажды свалился и угодил глазом на стерню. Меня для начала кнутом выпороли, а потом в больницу отвезли, в посёлок Волчий Враг, что от Липовки в десяти километрах. Глаз врач чем-то промыл и всё. После этого зрение ослабло. Ничего, второй глаз в норме. Я сажусь за стол, сколоченный из грубо струганных толстых досок. Баба Люба успела замесить блины, поставила в печь таганок, а на него сковороду. Готовые блины складывает в миску. На столе молоко, сметана и деревенское масло. А больше ничего и не надо. С дороги всё так вкусно!

– Ребята приходили, про тебя спрашивали, – это баба Люба говорит о моих друзьях.

Обязательно нужно встретиться ближе к вечеру. А сейчас прошусь с дедом на конюшню. По лошадям соскучился. Особенно по одной – кобыле Манёк. Умнейшая лошадка. А как под седлом ходит! Я на неё сажусь, так она чувствует, что в седле ребёнок, и идёт аккуратно.

Конюшня рядом. Каких-то пятьсот метров. Ура, деревенская жизнь началась! Дед по случаю моего приезда оседлал Манька. Я целый час катаюсь на лошади, получая огромное удовольствие. Еле сдерживаюсь, чтобы не свистнуть на всю деревню и не рвануть галопом по улице в степь, в сторону Сюверни. Там, где-то у Крюкова родника, пасётся табун. Прошу об этом деда, но он не разрешает, а поротым я быть не хочу – у него не залежится.

– Покатайся вокруг конюшни, – говорит дед. – Можешь к посадкам съездить или до клуба. Глянь, что за фильм сегодня. – Дед идёт заниматься делами, а я еду выполнять его просьбу.

Деревенских в клубе собирается что «сельдей в бочке». Мы, мальчишки, прибегаем первыми, для нас билеты по пять копеек, можно сказать, бесплатно. Клуб – одна большая ком-

ната-зала. Экран на стене. Мы сидим в первом ряду или на полу, ждём, когда начнётся фильм. Взрослые заполняют зал. Мужики, те, что в годах, рассаживаются на последние ряды. Многие курят, в зале хоть топор вешай. Аж глаза щиплет. Но никто никого не осуждает. Выключается свет, и все смотрят кино. Когда сеанс заканчивается, на улице темень, хоть глаз выколи.

– Ни бельмеса не видно, – говорит бабушка Марфа, и мы по улице идём на ощупь. – Главное – на борону не напорись, – предупреждает она. – Я днём видела, где-то у дороги лежала.

После её слов я с особой осторожностью смотрю на дорогу, но всё равно ничего не видно. Ох и тёмные ночи в Липовке! Хоть бы фонарь повесили. Наконец доходим до дома. Есть хочется страсть как. Живот сводит. Ужин готов. На столе стоит огромная миска со щами. Она одна на всех. Это не в городе, там каждому по отдельной тарелочке. А здесь передо мной лежат ложка и большой кусок чёрного ржаного хлеба. Хлеб здесь пекут сами. Белый, пшеничный – большая редкость, его пекут по праздникам и то не все. Хватаю ложку. Щами пахнет на всю избу. Я глотаю слюну, но до щей не дотрагиваюсь. В семье деда такой порядок. Все ждут деда, а он как нарочно тянет время. Может, это не так, и мне только кажется с голоду. Дед ходит по дому, что-то ищет, после долго умывается.

– Садись есть, щи простынут, – торопит баба Люба, – ребятам кушать пора и спать!

Дед смотрит на жену, и она замолкает. Я как-то спросил бабу Любу, почему у неё на лице шрамы. Она грустно улыбнулась и сказала:

– Меня, милоч, дед Платон в неделю раз колотит.

– За что?

– А чтобы я ушки свои «топориком» держала.

Я тогда так ничего и не понял.

Ожидая ужина, незаметно отщипываю небольшие кусочки хлеба и бросаю себе в рот. Наконец дед Платон усаживается во главе стола и тянет руку к миске. Черпает суп ложкой. Несёт её над куском хлеба и пробует содержимое. Мы начинаем есть. Щи едим, но мясо, мелкие кусочки которого плавают по всей миске, не трогаем. А они так и норовят попасть ко мне в ложку. Я не удерживаюсь и первым ем мясо. Дед видит, как я жую кусок, с улыбкой облизывает ложку и бьёт мне ею по лбу, приговаривая:

– Опять вперёд батьки в пекло лезешь!

Мне больно и обидно, но я молчу. Понимаю: порядок есть порядок, и не мне его нарушать. Дед взял кусок мяса. Теперь можно и нам.

Напоследок пью парное молоко. Целую кружку. Оно отдаёт на вкус горькой степной полыню. Всё равно приятно. Иду спать. Взрослые остаются сидеть за столом. А мне с рассветом на рыбалку. Ребята приходили, звали...

– Вставай, рассвело! – толкает меня бабушка.

Я встаю и выхожу на улицу. Утренняя прохлада слегка обжигает тело. Иду за дом, к огороду. Специальных туалетов в Липовке никогда не строили. Всё, что по «нужде», – это за домом. Тут же куры всё склевывают, из-под тебя вырывают...

Умылся. Глаза раскрылись окончательно. Завтракаю кислым молоком и хлебом. Бабушка жарит яичницу. Не успеваю доесть, а ребята уже свистят за окном. Вскокиваю, хватаю с вечера приготовленные удочки и к друзьям. Я городской, и поэтому мои удочки сделаны из бамбука. У пацанов – хлысты из ивы. Всё как у отца в детстве. Только суровая нитка заменена на леску и крючки из магазина. Поплавки – та же пробка от бутылки. Товарищи шлёпают по дороге босыми ногами. Я в сандалиях – и здесь городской.

Пройдя по деревне, спускаемся оврагом к Сюверне. Солнце встало, деревенские гонят на пастбище овец и коров. Пасут скот по очереди, домами. Дед говорил, что завтра мы с ним погоним. Пасти два дня. День за коров и день за овец. Пойдём вдвоём, вряд ли он возьмёт кого-то из дочерей.

Дошли с ребятами до реки, и я, как был в сандалиях, лезу в воду. Зачем их снимать, чтобы потом снова обувать! Нелогично. Холодная вода обжигает ноги. Река в этом месте мелкая. К обеду деревенские пастухи пригонят скот. В жару животные отдыхают у воды, а мы тут рыбачим. Пескари на перекатах клюют один за другим. А в омутах, за стойбищем, много другой рыбы: окуни, голавли, плотва.

Отец рассказывал, что река в войну всю деревню рыбой кормила. Бабы с бреднем пройдут по реке, от деревни до Крюкова родника, – воз рыбы. Потом на всех рыбаков делят. И сейчас рыбы хватает, хотя и поубавилось. По берегам бьют родники. Чистая вода струится ручейками в Сюверню, от этого река прозрачная, камни на дне видно. За рекой растут сосны. Высокие-высокие. Их всего несколько штук. Когда-то, до революции 1917 года, там в усадьбе жил местный помещик. После революции всё разрушили, только сосны и остались. А был и сад фруктовый. И какой!

Теперь сада нет. Сохранился только старый мельничный пруд, а на его берегу фундамент водяной мельницы. Люди рассказывают, что и мельница, и сад – всё принадлежало одному из моих дальних родственников. Он даже сумел выкупить всю семью у помещика и освободиться от крепостного права задолго до царского указа. Жил небедно. Построил на реке запруду, молот зерно и содержал сад. Сейчас ничего, кроме пруда, не осталось. А он меня интересует только на предмет живущих в нём карасей. Ребята говорили, что на удочку их не поймать – корма в пруду много. Ловят их только бреднем. Но я обязательно попробую на удочку, как только один буду. Не хочу, чтобы над моей неудачей кто-нибудь смеялся...

Мы все аккуратно переворачиваем в реке камни. Ловим притаившихся под ними раков. Они щиплются за пальцы, но не больно. Раки здесь мелкие, и клешни у них небольшие. Редко попадётся что-нибудь приличное. Самые крупные живут не здесь, а по речным берегам и в норах. Есть ещё место, где крупные раки имеют норы в глиняном речном дне. Чтобы их поймать, мы ходим по шею в воде и пальцами ног проверяем норы. Когда раки хватают за пальцы, ныряешь и тянешь их из укрытий.

Но сейчас нам нужна мелочь. На свежую раковую шейку хорошо берёт крупная рыба. Вот приманка готова, и я иду к одному из омутов. Насаживаю рачье мясо на крючок, забрасываю, стараясь попасть между листьями кувшинок, где от воды идёт пар. Поплавок поднялся и замер. Я тоже замер. Над рекой летят большие серые цапли, а по листьям кувшинок ходит болотная курочка. Я ей не мешаю. У неё своё дело, у меня своё. Она отвлекла моё внимание всего-то на минуту, но когда я вновь посмотрел на поплавок, его не было. Леска натягивается и уходит в сторону. Хватаю удилище, оно гнётся. Чувствую, как на крючке бьётся хорошая рыба, ходит под водой из стороны в сторону. Она огромная. В мыслях одно: только бы не зацепить, не зацепить!

Всё, рыба поддалась моему напору. Вытаскиваю на берег килограммового окуня. Ни фиги себе! Он полосатый и колючий, и я тут же прокалываю его спинным плавником руку. Боли не чувствую. Стараюсь быстрее снять окуня с крючка и сунуть его в бидончик, который дала мне бабушка. Он еле-еле проходит в горлышко. Провалился, бьётся внутри, а я жду, когда он успокоится. Наконец мне удаётся перевести дыхание. Вот это трофей! Теперь чувствую боль, но это ерунда, до свадьбы заживёт.

Второй окунь хватается за крючок через минуту. Окунь поменьше первого, но всё равно приятно. Снова поплавок под водой. Я подсекаю, рассчитывая на приличную рыбу. Из воды, как пробка из-под шампанского, вылетает ёрш. Маленький, сопливый и колючий. Ругаюсь, вытаскивая глубоко проглоченный крючок.

Больше не клюёт. Сажу и жду. Времени проходит прилично. Нет, рыба брать не собирается. Сматываю удочку и иду к ребятам, которые уже давно ловят пескарей.

К обеду начинается жара. Нам ничего не остаётся, как искупаться и по домам. Переходим реку. Впереди ждёт подъём от реки к деревне. Идти тяжело. Говорят, что в дождливую

погоду тут лошадь воз в гору не всегда вытягивает. Правда, отец рассказывал, что один из моих прадедов на спор сам впряглся в воз и на коленях, ползком, его тянул. Скорее всего, такого могло и не быть. Сейчас не проверишь.

Поднявшись в гору, расстаёмся. Вечером я собираюсь погонять на пруду карасей. А вдруг получится?..

Вечером, прежде чем идти на мельничный пруд, ловлю пескарей на перекате. Клёв отличный, только успевай насаживать червей на крючок. Не заметил, как начало темнеть. Перешёл на пруд. Забросил снасть. Жутко. Ребята рассказывали, что в пруду живут щуки, которые могут запросто проглотить дикого утёнка. Осмотрелся. Действительно, утка с утятами плавает у берега, под нависшими над водой ивами. Может, щука сейчас нападёт? Нет, утки скрываются в траве. А тем временем поплавок на моей удочке начинает медленно приподниматься, затем наклоняется и ложится на воду. Я подсекаю. Карась упорно сопротивляется и не хочет всплывать на поверхность, но я побеждаю. Крупный, красно-золотой и чуть черноватый, он бьётся в траве рядом со мной. Вот вам и не клюёт!

Следующая поклёвка сразу. На этот раз поплавок, сделанный из гусяного пера, дрожит мелкой дрожью. Чуть поднимается и плывёт к кувшинкам. Подсечка – и на берегу снова красно-золотистый. Клёв длится минут тридцать. Все пойманные караси стандарт – что-то около полукилограмма. Это удача. Сматываю удочку, беру в руку бидончик и быстро бегу в сторону деревни. Стемнело, а мне ещё нужно перейти реку и добраться до дома. Близкие удивлены. Не могут поверить, что все мои караси пойманы на удочку. Но факт налицо: караси плавают в тазу, куда я их выпустил.

– Молодец! – хвалит меня дед. – А сейчас за стол и отдыхать. Завтра мы с тобой скот пасём.

Только я успеваю поужинать, как лампочка под потолком мигает три раза и гаснет. Свет отключается...

Утром меня поднимают ещё в полной темноте. Бабушка спрашивает:

– Ты не слышал, как ночью куры кудахтали?

Я мотаю головой:

– А что случилось?

– Лиса кур поворовала. Голову многим пооткусывала.

– Всем?

– Да нет. Петуху и несколькими несушкам.

На улице дед Платон несёт к оврагу мёртвых кур. Размахивается и забрасывает их далеко в кусты.

– Может, ошипать и суп сварить? – Баба Люба робко смотрит на деда.

– Буду я дохлятину жрать!

Он возвращается к дому и снимает с поводка собаку, которая всегда привязана у крыльца. Собака мелкая, дворняга, шавка шавкой.

– Её-то куда?

– Туда же! – Дед Платон подходит к столбу, берёт собаку за задние ноги и бьёт головой о столб.

Я вздрагиваю. Слёзы текут из глаз.

– Платон, ты что творишь? Совсем озверел? – не выдерживает баба Марфа.

Дед смотрит на нас тяжёлым взглядом.

– Не собака была, одно недоразумение. Лиса кур давила, а она даже не тьякнула.

Он забрасывает теперь уже мёртвую собаку в те же кусты, куда кидал кур.

– Пусть лиса их там ест. А вам хватит столбами стоять! Пора скотину выгонять. И ты одевайся, – обращается он ко мне, – а то не возьму!

Я вытираю слёзы и спешу одеться. Перечить деду боюсь. Со зла может и выпороть. Берём с ним наших коров и овец и гоним по улице. Жители добавляют нам кто корову, кто овцу. Мы с дедом сегодня пасём коров. Овец завтра. Их пасти значительно легче. Как наступает жара, овцы – в кучу, а за коровами глаз да глаз нужен. То одна уйдёт, то другая. Бегаешь по степи и бегаешь. Стадо собрано, и мы гоним коров в сторону Берёзового оврага. Овраг длинный и глубокий, оттуда лисы и совершают свои набеги на деревенские курятники. Мы иногда с ребятами пытаемся в овраге отжигать лисьи норы. Наталкиваем в них старые камеры от машин и палим. А сами ждём лис. В наших руках палки, и мы считаем, что от дыма лисы должны выскакивать. Бесполезно, сколько ни ходили, ни одна лиса так и не вышла, и ребята пришли к выводу, что звери предпочли задохнуться в норе, чем погибнуть от наших палок. Может, это и так.

Коровы едят траву и медленно двигаются по степи. Мы с дедом следуем за стадом. Молчим. Первым не выдерживает дед Платон:

– Не дуйся, внучок. Жизнь штука сложная.

– Отпусти лучше меня рыбу половить. Я на часок.

Дед улыбается и отпускает. Я бегу к реке. А дед стоит, опершись руками на длинную палку-посох, и смотрит мне вслед.

Рыба не клюёт, и я лезу в воду ловить раков. Шарю руками вдоль берега, нащупываю норы и сую туда пальцы. Раки хватают иногда до крови. Я складываю их в бидон. Через час он полный. Собираюсь и возвращаюсь к стаду.

– Как рыба?

Я показываю деду раков. Он видит мои искусанные руки и жалеет:

– Беги до дома. Бабы тебе руки перевяжут. Да и раков наварят. Поешь. А вечером придёшь ко мне и поможешь.

Меня не приходится долго упрасивать. Через минуту я направляюсь в сторону Липовки.

Лечить руки я поначалу отказался. Подумаешь, царапины! Но когда бабушка раков отварила, почистила, а их мясо обжарила на сковороде с яйцами, я, попытавшись посолить еду, тут же заплакал.

– Что, соль в раны попала? Руки дерёт?

– Угу!

Промыв мои царапины водой, бабушка садится рядом, кормит меня с ложки. Блюдо из раков получилось просто язык проглотишь. Я счастлив от заботы моей бабушки и такой вкусной еды.

Как и договаривались с дедом, помогаю ему гнать стадо в деревню. Завтра пасём овец...

Сильный дождь пошёл ещё ночью. Позавтракав, выхожу на крыльцо и слушаю шум дождя. Вроде чего-то не хватает. До меня доходит, что не слышно стука капель о крышу дома, ведь она крыта соломой. Капли падают и скатываются. По такой погоде пасти скот нет никакого желания. Но деваться некуда, и я иду за дедом. Кнут, который он мне дал, тащу на плече. На ноги налипают огромные комья чернозёма. Ноги разъезжаются в разные стороны, и я падаю в грязь. Поднимаюсь и еле-еле двигаю ногами. То ли от налипшей на них грязи, то ли от навалившейся лени.

– Не унывай! – подбадривает меня дед. – Дождь земле нужен, а наше пастушье дело такое. Хочешь не хочешь, а иди.

Я не отвечаю и плетусь за стадом. Нет желания даже хлопнуть разочек кнутом.

Дождь льёт весь день. Настроение ни к чёрту. Я хожу по степи как в воду опущенный. Дождь прекращается, когда мы с дедом гоним стадо домой. Рядом со мной останавливается лошадь. Верховой – дед Фёдор. Поздоровался и смотрит в мою сторону.

– Платон, отпусти мальчишку ко мне. Я его вкусным угощу, – просит он.

– Пойдёшь?

Я соглашаюсь.

– А Марфа? – Дед Платон смотрит на Фёдора.

– Ничего. Скажешь, что я его в гости забрал. Пусть не волнуется. Ей давно пора забыть моего брата. Столько лет прошло, а всё никак. А пацан мне такой же внук.

Я не успеваю подумать, что будет дальше, как сильные руки подбрасывают меня над лошадь. Секунда – и я в седле рядом с дедом Фёдором.

– Спасибо, Платон! – благодарит он. – Пошла, родимая!

Лошадь рысью скачет в сторону Черводыровки. Сидеть рядом с дедом неудобно, места в седле для двоих не много. Но он сдвигается, и сидеть становится удобнее.

– Нормально?

– Ага! – только и выговариваю я.

Скоро мы подъехали к дому деда Фёдора.

– Нужно мальчишку ужином накормить, – говорит дед жене, проведя меня в дом. – Обязательно мёду свежего налейте. Полную чашку!

– А гость у нас какой! Из самой столицы! – улыбается та. – Обязательно покормим. Пусть моется и проходит к столу. Чего хочешь: мёду или супа?

– Можно мёда, – тихо говорю я, садясь за стол.

Передо мной стоит глиняная миска, наполненная золотистым мёдом. У деда Фёдора рядом с рекой сад, а там улья. Он каждый год, как только узнает, что я в деревне, как бы невзначай встречает меня и приглашает к себе. Я иду без разрешения. Если бабушка узнает, то не отпустит.

Дед Фёдор отрезает от большого ржаного караваея кусок хлеба. Это для меня.

– Макай хлеб в мёд и ешь. Сколько сможешь, столько и ешь. Чай пей.

Я опускаю хлеб в мёд. Хлеб толст, и я тяну его к себе. Мёд стекает в миску. Стараюсь не капнуть на стол, быстро подношу лакомство к губам и кусаю. Мне кажется, что хлеб и мёд тёплые.

– Как в городе живёте? Отец как? Мать?

– Нормально, – говорю я, не переставая жевать.

– Дай ребёнку поесть, подавится ещё. Потом расспросишь, – встревает в наш разговор хозяйка, пока я глотаю чай из большой кружки. – Иди лучше яблок ему намери. Пусть Платону отнесёт. У них ни мёда, ни яблок.

– Сам разберусь, не лезь. Ты на всё лето в деревню?

– На всё!

Дед улыбается.

– Больше хулиганством не занимаешься?

Мне становится неудобно. Сейчас вспомнит, как я перебил из рогатки весь выводок домашних утят. Охотился. Ух и порол же меня тогда дед Фёдор! Путой лошадиной. Я вспоминаю и ёжусь всем телом. Было очень больно.

– Нет!

– Правильно. Взрослеть пора. Ты ведь нашего рода. У нас все мужики хозяйственные были. Крепко на земле стояли. Пока «эти» не пришли. Прости их, Господи!

Дед вздыхает и подливает мне чаю. Хочется спросить, кто это «эти». Но я не решаюсь. Дед немногословен. Это сейчас он со мной разговаривал.

Мужик он среднего роста, коренастый. Прошёл всю Отечественную войну. Видел на своём веку ой как много, но никогда ни о чём не рассказывает. Только когда лишнего выпьет, бывает, плачет.

Мёд и хлеб больше в меня не лезут. Хочется съесть всё, но не получается. Я откладываю недоеденный кусок хлеба в сторону.

– Наелся, что ли?

– Всё! – вздыхаю я. – Не могу больше. Спасибо! Домой пора, к бабушке.

– Ну пойдём, провожу, раз так.

Мы выходим на улицу. Темно.

– Дойдёшь до Серединки, не испугаешься? – Он даёт мне в руки сумку с яблоками и банку мёда.

– Добегу! До свидания!

– Заходи, внучок, мёда поесть! – Дед Фёдор жмёт мне на прощание руку.

– Обязательно зайду!

– Марфе, бабушке твоей, поклон передай. Пусть на нас не обижаются. – И он гладит меня по голове.

Я тороплюсь домой, до которого с полтора километра. Тащу тяжёлую сумку. Чувствую, что дед смотрит мне в спину. Оборачиваюсь – так и есть. Стоит и машет мне рукой.

Глаза привыкли к темноте, и я ориентируюсь без проблем. Иду огородами и выхожу к дому деда Платона. Из окон свет. Меня ждут.

– Как в гостях? – спрашивает бабушка Марфа.

– Мёдом накормили и ещё с собой дали. Вот! – показываю сумку и банку.

– Задабривают.

– Баб, да всё нормально. Я там всего с час-то и был. Не захочешь, больше не пойду. А дед Фёдор тебе поклон велел передать.

– Ладно, чего теперь. Сходил и сходил. Родные, чай, не чужие.

Она успокаивается, что я вернулся, и сажает меня рядом. Я задаю вопросы:

– Баб, а что имел в виду дед Фёдор, когда мне рассказывал, как все хорошо жили, пока «эти» не пришли?

– Это он, наверное, про коммунистов.

– Так они и сейчас у власти.

– То-то и оно, что у власти.

– А в нашей деревне война Гражданская была?

– Всё было.

– А банды?

– И банды.

– Расскажи!

– Зачем это тебе?

– Расскажи! Интересно ведь. Про красных, белых, про бандитов.

Дед Платон и баба Люба сидят рядом с нами и улыбаются, не вступая в разговор.

– Что теперь рассказывать. Придут, бывало, в деревню белые войска. Лошадь у нас в семье заберут для нужд своей армии, взамен обязательно оставят другую. Седлом спина у неё побита. Или копыто засеклось, хромает, значит. Мы лошадь подлечим и на ней работаем. А Красная армия придёт, лошадь заберёт, а нам взамен бумагу. Пашем землю на себе или на дойной корове. Вот так! – Она грустно улыбается.

– Не может быть, – не соглашаюсь я. – Красная армия за народ была. Нам в школе говорили.

– За народ. А как не за народ. Первые Советы в деревне люди возглавили, которых мы звали «где блины, там и мы».

– Как это?

– Самые лодыри деревенские. Никогда не работали. Выйдут по утру из дома и нюхают воздух. У кого из трубы блинами пахнет, к тому и в гости. А выгнать их не можем, совесть не позволяет. Накормишь, и ещё с собой возьмут. А как власть поменялась, так они к людям сразу по-другому. Один такой председатель заставлял мужиков телегу по полю тянуть, а сам с неё сеял.

– Правда?

– Спроси Платона.

Я посмотрел на деда. Он кивнул.

– А банда?

– Главарь у них, правда, был не из нашей Липовки. Шохиным звался. Продал его лучший друг.

– Как?

– Может, в другой раз расскажу?

– Спать совсем не хочется.

– Я точно не помню, когда банда у нас в округе образовалась. Только голодно тогда в деревне было. Я сама, внучок, три раза с голода пухла. Первый раз в революцию, второй раз в коллективизацию, третий после Отечественной войны. В городах люди кое-как жили, а нам совсем плохо было. Курица есть – несётся, не несётся, а яйца государству сдавай. Налог! А ещё молоко, масло, мясо, хлеб и всё остальное, что ты имеешь. Сами с детьми траву-лебеду ели, а план по заготовкам выполняли. Попробуй не выполни! Это после войны банд никто не организовывал. А вот в коллективизацию Шохин создал. Да она и не банда была вовсе, так, мужики деревенские, те, которые советскую власть признавать не хотели. Тут и бунтовали. Да разве против солдат им устоять было? Банду разбили, а Шохина не поймали. Удрал он от солдат и спрятался. Друг его лучший в тюрьме и заявил: «Отпустите меня, я вам его голову принесу». Поверили ему и отпустили. Он в деревне и объявился. Нашёл атамана. Тот другу рад. На радостях решили овцу зарезать. Шохин овцу взял и ноги держит, а другу дал саблю, чтобы он лыка с ивы надрал ноги овце перевязать. Тот шашкой – раз! – и голову Шохину снёс. Обернул тряпицей и в сельсовет принёс. Больше его в деревне никто и никогда не видел.

– А это правда?

– Кто его, внучок, знает, где правда, а где ложь. Но народ рассказывал, я слышала и тебе пересказала. Много разного на деревне говорят, сейчас всего и не вспомнить. Меня и твоего отца в войну чуть не расстреляли, а ему ведь всего ничего было. И не только нас, а всю нашу семью. Когда немцы к Волге вышли под Сталинградом, они должны были фронт прорвать и дальше в нашу сторону наступать. Так какой-то умный начальник приказ отдал – всех неблагонадёжных ликвидировать. А мы же из раскулаченных, значит, потенциальные предатели. Нас в телегу и в овраг повезли. Спасло то, что немца вовремя от Волги погнало, а мужики наши в это время за Родину кровь проливали. Так-то, внучок. Только ты никому не рассказывай, это я тебе по секрету.

– Не буду, баб. Зачем мне это? Я об этом от отца уже слышал. Думал, что неправда.

– Зачем ему врать. Он маленький был, а помнит. Такое долго не забывается. Он и голод послевоенный помнит, и как первый раз радио увидел. Всё тогда заглядывал, где же там человек спрятался. – Бабушка концом платка смахнула слезу.

Ночью я спал очень плохо. Снилось мне что-то очень страшное. Я закричал и проснулся.

– Ты чего, – баба Марфа лежала рядом, – испугался?

– Наверное. Больше не усну.

– Тогда вставай, утро уже. Я с Любой на свёклу сахарную пойду. На прополку. Они сахара больше получают, и нам с тобой хорошо. Мы на варенье возьмём, и Платону на самогон останется.

– Можно с тобой?

– Нет уж. Свёкла для тебя тяжела. Иди на речку, отдыхай...

И снова я бегу на Сюверню ловить рыбу и раков. И так проходит лето. Лучшего в детстве и не придумать...

Прошли годы. Лет двадцать я в Липовке не был. Но туда постоянно тянуло, и вот мы с отцом поехали. Семьсот километров дороги от дома до деревни пролетели незаметно. С нами

мой сын и племянник. Они в Липовке ещё не были, поэтому я всю дорогу рассказываю им про Сюверню.

Приехали. А деревню не узнать. Десяток убогих домишек и всё. Вокруг один бурьян. Нет ни клуба, ни школы, ни магазина, ни конюшни... Правда, церковь полуразрушенная всё-таки осталась. И, слава богу, деревенское кладбище на месте. Никто не догадался сломать могилы моих предков. И нет речки Сюверни. Вместо неё течёт мутный ручей, в котором доживает свою жизнь мелкая рыбёшка. Раки десять лет назад все передохли. Мы с отцом ходили два дня по деревне и смотрели на то, что осталось. Состояние у меня словно чем-то тяжёлым по голове ударили. Говорю отцу:

– Батя, давай уедем. Не могу всего этого видеть!

Мы принимаем решение и покидаем нашу малую родину.

Через месяц по телевизору смотрю передачу «О возрождении российской деревни». В Белинском районе Пензенской области собрался возделывать землю фермер из Англии. Есть желающие из Франции. Я смотрю на всё это, и мне остаётся только горько улыбнуться.

Своих земледельцев уничтожили, теперь пусть заграничные попробуют. Вот только получится ли у них работать на чужой земле? Её любить нужно, как любили её мои далёкие родичи. Скажу честно, сомневаюсь я!

Гончатники

Первой на зайца наткнулась выжловка. Сразу помкнула – подняла. Не голос у собаки – песня. Через минуту к ней подвалил выжлец. Его грубый басовитый лай соединился с тонким повизгивающим голосом выжловки. Теперь гнали зайца вдвоём.

На первом кругу охотник зайца перевидел, но стрелять не стал. Пусть собачки немного погоняют косога. Очень хотелось послушать песню – гон. Пробежавшие мимо своего хозяина гончие посмотрели на него с укором...

Десятилетний Валерка закрыл альманах «Охотничьи просторы» и задумался, уставившись в окно. На улице шёл снег. «Хорошо, что снег», – решил Валерка. Завтра по свежей пороше отец и его друзья быстро распутают заячьи следы. Помогут собакам Будиле и Альфе, которые отдадут голоса при виде зайца. Если повезёт, заяц выбежит на отца, и тот не промажет. После выстрела Валерка возьмёт за лапы уткнувшегося мордочкой в пушистый снег зайца и постарается поднять его как можно выше, чтобы разгорячённые гоном собаки не отняли. Он сам справится с собаками, только попросит отца побыстрее отрезать ножом у зайца лапки и кинуть их гончакам. Заслужили! После охоты Валерка с гордостью понесёт закреплённого на ремне-погоне зайца.

Он даже ощутил тяжесть трофея и почувствовал усталость, ведь до деревни, где их охотничья команда всегда оставляла машину, далеко. От нахлынувших чувств Валерка зажмурился.

На улице совсем стемнело.

– Спать тебе не пора? Отца не жди, он сегодня поздно с работы придёт. У него рейс тяжёлый. Говорил, что вы завтра на зайцев собирались. Или ты забыл? – Голос матери вернул Валерку из охотничьей мечты.

– Не забыл, – буркнул он в ответ и посмотрел на часы, висевшие на стене.

Мама права, пора спать. К охоте у них всё готово, но отец всё равно проснётся раньше и разбудит Валерку, а потом они, сидя на кухне, будут пить чай с бутербродами. Отец станет рассказывать про двух друзей – охотников, которые, собираясь зимой на охоту, чтобы не замёрзнуть в лесу, плотно позавтракали. Только один ел холодное свиное сало, а другой пил горячий сладкий чай. На морозе выяснилось, что тот, кто ел сало, разогрелся, а кто пил чай, пусть и горячий, сильно замёрз.

Валерка ещё раз посмотрел на часы, вздохнул и пошёл спать.

Утром, как он думал, так всё и получилось. Он сидел рядом с отцом за столом на кухне, завтракал, слушал рассказ отца и верил каждому его слову. Одновременно старался самые толстые кусочки нарезанного сала отправлять себе в рот, на всякий случай, запивая горячим сладким чаем. Не помешает.

Позавтракав, отец подошёл к окну и посмотрел на улицу.

– Заканчивай, сынок. Кое-кто уже у подъезда на лавочке поджидает. Вот неугомонные мужики, – усмехнулся он и, проходя мимо сына, потрепал его по голове.

Валерка оставил на столе стакан с недопитым чаем и побежал собираться. Через пятнадцать минут они вышли из подъезда.

– Привет честной компании! – поздоровался отец с друзьями.

– И вас с праздником! – в один голос ответили мужики.

Валерка поздоровался со всеми по очереди за руку. Альфа и Будило – русские гончие – были привязаны тут же, рядом, у подъезда. Собаки были характерного для этой породы чепрачного окраса, с небольшими допустимыми белыми отметинами на груди. Они сидели на снегу и на удивление спокойно наблюдали за своими хозяевами.

– Плохо, тропа сегодня белая, – сказал хозяин выжлеца Василий.

– Ничего. Альфа в момент белого взбудит. Глядишь, и твой подвалит. Он у тебя дюже валкий, – постарался успокоить Василия хозяин выжловки Афанасий.

– Ты, Афоня, прав. Собачки у нас парато белых преследуют. Сразу на лазу зайца перехватим. Народу сегодня много. Лишь бы красный зверь не попался, а то угонят, – произнёс Валеркин отец.

– Не должны вроде. Они не красногоны. Ладно, хватит говорить, пошли к машине! – Афанасий первым надел на плечи рюкзак, отвязал Альфу, взял в руку поводок и двинулся к гаражам.

Валерка поплёлся за всеми, немного расстроившись, что так быстро закончился разговор между друзьями-гончатниками. Каждый раз, когда мужики обсуждали предстоящие охоты или прошедшие, он радовался, что знает такие загадочные для многих людей слова, как взбудный след, башур, глубокий полаз и тому подобное, и гордился, что ему, юному охотнику (а он себя таковым уже считал), эти слова понятны, как таблица умножения.

Машина завелась сразу. Пока отец закрывал гараж, народ кое-как забрался в «Победу». Валерке на этот раз места на сиденье не хватило, и взрослые усадили его к себе на колени. Рядом с ним на заднем сиденье, на коленях у одного из охотников, примостилась Альфа. Будило – на переднем, у хозяина.

– Как говорится, в тесноте, да не в обиде, – улыбнулся, садясь за руль, отец.

– С Богом, поехали! – проголосили в ответ охотники.

Машина дёрнулась и, слегка буксуя по мокрому свежеснеговому за ночь снегу, выехала на дорогу. Начинало светать...

– Сколько до деревни, а то вон уже светает? – спросил Алексей, сын Афанасия. Он не так давно вступил в охотничье общество и всего несколько дней назад купил ружьё.

– Не волнуйся, километров двадцать пять будет. Скоро приедем. Выстрелишь сегодня из своей одностволки. Не спеши, Лёха, научись ещё из ружья стрелять. Глядишь, станешь в скором времени, как мы, таким же профессионалом. – Афанасий посмотрел на сына. Алексей в ответ промолчал.

По мосту через реку шёл мужичок с собакой – то ли болонкой, то ли пуделем, Валерка не разобрал. Он успел поймать лишь удивленный взгляд мужика, который посмотрел на проезжающую мимо него битком набитую людьми и собаками машину.

Тук! Что-то ударилось о «Победу».

– Кажется, я у мужика его кабысдоха задавил! – Отец на секунду притормозил, посмотрел в зеркало заднего вида.

Остальные обернулись, как смогли. Валерка увидел, как хозяин только что задавленной собаки, стоя над рекой на мосту, держал её за хвост. Через секунду он разжал пальцы, и она полетела в реку.

– Не волнуйся, – стали успокаивать мужики Валеркиного отца. – Если бы собака была охотничья, тогда жалко. А такого добра в каждом подъезде с сотню живёт.

– Ваша правда, – ответил тот, и вскоре об этом происшествии забыли...

Вдруг все увидели лису, сидящую на обочине дороги. Машина остановилась. До зверя было буквально метров десять. Крупный лисовин, не двигаясь, глядел на машину.

– Что же вы? Стреляйте! Пап, дядь Вась, уйдёт! – Слова Валерки вывели мужиков из оцепенения.

– Из чего, пацан, стрелять? Ружья в чехлах.

– Моё собрано, в багажнике лежит. Давайте я выйду. Вот патрон уже в руке. – Алексей показал патрон. – Багажник открою, заряжу и выстрелю. Уйти лиса не успеет, рядом ведь.

– Ты, молодой, вперёд батьки в пекло не лезь, промажешь! Я сам! – Сидевший на переднем сиденье Василий заворочался, пытаясь достать из чехла двустволку. Он толкнул Будилу.

Выжлец упёрся головой в лобовое стекло. Спокойно сидевшая лисица вдруг встала на ноги и уставилась на Будилу, который, видя зверя, закрутился на месте и начал лаять. К нему присоединилась Альфа.

– Заткни, Вась, ему пасть, спугнёт лису, – задёргались мужики.

Василий не ответил. Его руки дрожали, он никак не мог соединить стволы ружья с ружейной колодкой.

Лисовин тем временем медленно перешёл дорогу перед машиной. Валерке даже показалось, что он помахал рыжим пушистым хвостом. Будило от злости завыл. Завыла и Альфа.

– Уйдёт! Вась, скорее! – Афанасий слегка толкнул Василия в плечо.

Стволы и ружейная колодка стукнулись друг о друга, издав при этом металлический звук. Василий негромко выругался сквозь зубы. Лиса была от «Победы» уже метрах в двадцати. Наконец двустволку удалось собрать.

– Будилу держите, а то выскочит! – Он резко открыл дверь и вылез из машины.

Кто-то из мужиков схватил кобеля за ошейник. Будило, видя, что хозяин ушёл с ружьём, а ему не удаётся, «взревел». Он обернулся и попытался укунить своего обидчика за руку. Сидевший рядом Афанасий ударил выжлеца кулаком, попав по широкой голове. Сообразив, что с ним шутить не собираются, нёс немного успокоился.

Василий прицелился в лисовина, расстояние до которого было уже метров за пятьдесят. Лис двигался по заснеженному полю в сторону леса. Выстрел! Собаки взвыли. Народ, открыв двери, вывалился на дорогу. Собак еле сдерживали на поводках. Лиса после выстрела села, повернувшись к охотникам. Замерла.

– Попал! Попал, Вася! Молодец! – кричали все хором.

– Давай вторым стреляй! Добей! – Василий медленно поднял ружьё. Долго целился в неподвижно сидевшего зверя. Выстрел!

Лисовин подпрыгнул на месте, устремился к лесу и скрылся из вида. Василий повернулся к товарищам.

– Помирать лиса побежала, – усмехнулся Валеркин отец.

– Ты чем стрелял? «Горохом»?

– Картечью! Должен был зацепить. Может, собак пустим, догонят? – попытался оправдаться Василий.

– Брось, твоей вину тут нет. Далеко было. А собак пустим – только уйдут. Поехали лучше за зайцами, и так уйму времени потеряли. Зайцев хоть съесть можно. – Высказанный аргумент всех успокоил, и мужики, перекурив на лёгком морозе, вновь полезли в салон «Победы».

Оставшееся до деревни расстояние ехали молча. Каждый думал о своём. У Валерки всё время перед глазами был лисовин, сидевший то у дороги, то на поле. Забуксовав, машина остановилась на краю деревни. Отец переключил скорость. Машина дёрнулась сначала назад, потом вперёд. Снова назад. Вперёд.

– Всё, приехали, толкать надо. Выходи, народ! – Отец выключил скорость.

Чертыхаясь, все вылезли. Валерке доверили держать собак.

– Включай первую скорость и внатяжку отпускай сцепление, – советовали мужики.

– Не учите отца! Вы упирайтесь сильнее, она и пойдёт.

Мужики толкнули «Победу», которая медленно, потом всё быстрее и быстрее, разгребая перед собой бампером снег, поехала по нечищенной улице.

– Вот это техника! – говорили мужики, идущие за машиной.

Валерка шёл последним. Собаки сильно тянули, путаясь в поводках. Наконец добрались до нужного дома, где остановилась «Победа». Валеркин отец с собранным ружьём за плечами разговаривал с хозяйкой, вышедшей встречать охотников.

– Ты нам, пожалуйста, картошечки к вечеру начисть. Как придём с охоты, варить поставим. Поедим, по стопочке примем – и домой.

– Не волнуйтесь, сделаю, как всегда. Я вас ещё ни разу не подводила. Вы только давайте зайца несите! Сколько раз в этом году были, а всё без трофеев, – сказала хозяйка.

– Ну уж и без трофеев... – засмутились мужики.

– Собаки-то у вас какие! Жрут небось, как хорошие поросята. Особенно вон тот, здоровый, прямо боров, – показала она на Будилу.

– Что бабу слушать? Ум у неё короткий, волос длинен. Давай, Валер, поводок, я лучше пойду, чем тут с вами. – Василий взял поводок. – Пошли, Будилушка, – позвал он с собой выжлеца. Охотники двинулись следом.

– Зайцы на поле сразу за деревней, у стогов с сеном, – крикнула вдогонку хозяйка.

– Дура баба, – бурчал обиженный Василий, намеренно уходя от поля к лесу.

Снега было много. У кромки леса отпустили собак, и те сразу скрылись за деревьями.

– Мужики, а сегодня пороша, кажется, мёртвая, – сказал Валеркин отец.

Сырой снег ровным слоем, сантиметров примерно в десять, закрыл все вокруг. Обычно после такого снегопада зверь с лёжки не встаёт, поля и леса кажутся вымершими.

– Я об этом подумал, когда машина забуксовала ещё в первый раз, у гаража. А в деревне всё уже ясно стало.

– Поднимем косога? – Василий остановился и лихо закричал: – Ах, буди, буди, буди!..

На секунду замолчал, прислушиваясь.

– А ну давай! Давай! Давай!..

Валерке тоже хотелось крикнуть. Но он молчал, понимая, что порскать должен только один охотник, иначе, если кричать станут все, это собьёт собак. Он шёл след в след за отцом и старался вспомнить, когда тот приносил с охоты зайца и был ли такой случай, чтобы мужики добыли зайца в его, Валеркином, присутствии. Но вспомнить не мог.

– А ну давай! Давай! Давай!.. – кричал идущий первым Василий.

Собаки лазили по лесу, время от времени появляясь возле охотников. Подойдут, посмотрят на мужиков и пропадают. Голосов они так и не подали. Василий давно перестал кричать. Подбадривать собак не имело смысла. Пороша действительно была мёртвой. Скоро собаки устали лазить по глубокому снегу и поплелись за людьми, замыкая компанию охотников-гончатников. Через несколько часов, так и не обнаружив ни одного зайца, повернули в сторону деревни.

– Надо же, ни следочка! Опять придётся пустую картошку жевать, – высказался Афанасий.

– Почему пустую? У нас сало есть. А у меня капуста квашеная. И огурчики солёные найдутся. К огурчикам у нас водочка имеется, – заговорили охотники разом.

Валерке тут же захотелось есть. Рот наполнился слюной, захотелось пить. Жаль, конечно, что зайца не удалось добыть. Ничего не поделаешь, охота есть охота.

Вышли из леса на край поля, а за полем – деревня. Осталось пройти между стоявшими ещё с осени стожками сена. Дальше начинались заборы, отделявшие огороды. Валерка обратил внимание на слегка разрыхлённый снег у одного из стогов.

– Пап, там что-то есть! – крикнул он.

– Посмотри! – скомандовал отец.

Валерка, проваливаясь почти по колено в снег, пошёл к стогу. С одной стороны стога снег был плотно утоптан и усыпан кое-где заячьими «орешками». Отсюда следы расходились во все стороны. Это был свежий жировой след.

– Заяц тут нажировал. – Валерка помахал стоявшим посреди поля охотникам.

– Где нажировал?

– У стога. Я не вру! – обиделся Валерка, что ему сразу не поверили.

– Подожди. Не топчи там, мы идём. – Мужики направились к нему.

– Действительно, следы свежие. – Василий встал на колени, наклонившись над одним из следов.

– Ты чего?

– Смотрю, не русак ли? Беляка сейчас тропить – дело невыгодное. Погуляв и покормившись на поле, он сейчас где-нибудь в лесу, в кустарниках, отлёживается. Тут следы лап небольшие, продолговатые. Вот здесь заяц сидел. А тут грыз траву – натрусил сора на снег. – Василий встал, осмотрелся, прикидывая, где мог затаиться заяц.

– Не всё ли равно, беляк это или русак? Заяц есть заяц, если не считать, что в русаке мяса больше. Собак звать нужно. Альфа! Тут! Тут! – стал звать выжловку Афанасий. – Ко мне! Ко мне! Тут! Тут! – повторил он ещё раз.

Собак не было.

– Вот чёрт! Когда нужно, никогда их рядом не бывает, – выругался он.

Тем временем Василий успел сделать небольшой круг вокруг заячьей жировки и найти выходной след. Пошёл чуть в стороне от него. Заяц на этот раз много не ходил. Сделал одну петлю, затем скидку и залёг в кучке сена, чуть видневшегося из-под снега. На неё Василий и наступил. Заяц вымахнул прямо у него из-под ног. От неожиданности Василий потерял равновесие, но, падая, всё-таки успел снять с предохранителя двустволку и выстрелить в несущегося зайца. «Бух! Бух!» – прогремел дуплет. Василий увидел только снежную пыль, поднятую дробью.

– Мужики! Заяц! Заяц! – кричал он, провалившись в снег.

«Бух! Бух!» – выстрелил Валеркин отец.

Два столбика снежной пыли вокруг зайца, и... тот продолжает нестись по сугробам мимо стоящих мужиков.

«Бух! Бух! Бух! Бух! Бух!» – загремели выстрелы.

Заяц прыгает вправо. Влево, опять вправо. Его выдают чёрные кончики ушей и фязные подошвы лап. Заяц весь белый и никакой не русак. Самый настоящий беляк.

Валерка наблюдал за пробегающим метрах в пятнадцати от него зайцем. Но почему охотники больше не стреляют? Потому что у всех закончились патроны, и они судорожно пытаются перезарядить ружья. До зайца уже двадцать метров... Тридцать метров. В него целится один Алексей, ведёт за бегущим зайцем стволом своей одностволки. Долго целится. Наверняка промажет!

Заяц снежным комом перелетает через межу. Выстрел! Заяц переворачивается через голову и жалобно кричит. Но бежит дальше, волоча перебитую заднюю лапу. В этот момент все увидели, как наперехват зайцу от леса мчатся Будило и Альфа. Выжловка легче, поэтому меньше проваливается, быстро сокращая расстояние с зайцем.

Вот Альфа пытается схватить беляка. Он пытается уйти, резко разворачивается перед мордой собаки, бросается в сторону. Клыки Альфы прихватывают нежную заячью шкурку. Рваные куски шкурки волочатся по снегу за зайцем. Альфа визжит от досады. Будило вылетает прямо перед зайцем из-за стога. Заяц набегаёт на кобеля, и вот уже Будило перехватывает его пастью в области позвоночника. Резко трясёт башкой, ломая кости. Секунда – и зверёк мёртв.

– Будишка! Молодец! Хороший мой, ай да Будишка! Давай ко мне, давай нам зайчика! – довольный Василий позвал выжлеца.

Кобель остановился в нерешительности. Обмякшая тушка свисала из пасти. Он видел бегущую к нему Альфу и улыбающихся людей. И тут он развернулся и рванул за стог сена, пытаясь на бегу заглотить добычу.

Лицо Василия исказилось от злобы.

– Ах ты м... ло! – крикнул он кобелю.

Охотники, все вместе, проваливаясь в снегу и матерясь, побежали к стогу, за кобелём. Тот от них. И так они бегали вокруг стога друг за другом. Круг, ещё круг, ещё. Остановились. Выжлец с зайцем в пасти по одну сторону стога, гончатники – по другую.

– Нужно этого гада в клещи взять. – Афанасий вытер пот со лба. – Разделимся на две команды, окружим стог с двух сторон и...

Через несколько секунд Будило был зажат между стогом и людьми, пойман, вдавлен в сено.

– Отдай зайца, зараза! – Афанасий пытался вытянуть из пасти выжлеца добычу. – Отдай! Будило в ответ только рычал, по-прежнему пытаясь проглотить целиком всего зайца.

– У, гад! – Афанасий замахнулся на него кулаком.

– Не надо. Пусть Василий, хозяин, зайца отберёт!

Василий взялся за заячьи лапы и слегка потянул к себе тушку.

– Отдай, Будило! Молодец, хватит. Отдай!

Выжлец сделал большой глоток, отчего основная часть заячьей тушки исчезла в пасти, что окончательно вывело Василия из себя, и он резко ударил Будилу между глаз тяжёлым кулаком:

– Отрыщь, сволочь! Отрыщь! – ещё удар.

Глаза выжлеца налились кровью, он зарычал на хозяина, не выпуская зайца из пасти. Ещё удар. На этот раз в ответ на действия хозяина кобель попытался укусить его за руку, но этой секунды Василию хватило, чтобы выдернуть зайца из пасти кобеля и кинуть мужикам.

– Сволочь! На хозяина! – Он ударил Будилу ногой в бок.

Кобель от удара вскочил и, понимая, что проиграл, поджал хвост, норовя убежать.

– На, получи! – Новый удар ногой по собачьему задку пришёлся на самое болезненное место. Будило завизжал от боли.

– Хватит, Вась, щенков у выжлеца не будет. Успокойся, трофеей у нас. – Афанасий, держа за ноги зайца, продемонстрировал сильно помятую тушку всем присутствующим.

На добычу страшно было смотреть. Шкурка разорвана, тушка в крови и слюне Будилы. Из боков торчат кусочки рёбер и внутренностей. Но охотники этого не замечают – их охватил азарт удачи, победы. Они поздравляли друг друга.

– С полем тебя, сын! – Отец сжал Валеркину руку. – Иди, мужики тебя поздравят. – Он подтолкнул Валерку к охотникам, слегка ударяя по спине.

– С полем, пацан! С полем. – Каждый из них хлопнул Валерку по плечу. – Настоящий из парня охотник получится. Целый день с нами выдержал!

Эти слова наполнили Валерку гордостью. Он посмотрел на отца – тот был счастлив за сына.

– Хватит, пошли в деревню. Скоро стемнеет. – Охотники гурьбой направились к деревне. Разговаривали, смеялись. Забытый всеми Будила сидел посреди поля, выделяясь чёрной точкой на белом снегу, боясь идти за хозяином. Вдруг снова попадёт...

Через два часа картошку, тушённую с зайчиной, поставили на капот «Победы», прямо в кастрюле, заранее постелив кем-то взятую из дома старую скатерть, на которой заботливо разложили нехитрую закуску: солёные огурцы и помидоры, квашеную капусту, сало, хлеб и прочие припасы. Открыли бутылку водки и наполнили стаканчики.

– Дай Бог, не первую и не последнюю, – сказал Валеркин отец, и все выпили.

Проголодавшиеся охотники с удовольствием закусывали картошкой с заячьим мясом. Угостили хозяйку дома.

– Кто же из вас, наконец, зайца добыл? – спросила она.

– Лёха, кажется, последний стрелял. – Афанасий кивнул на сына.

– Сразу насмерть или как? – допытывалась старуха.

– Нет, только подранил. Его кобель поймал.

– Это тот, что на борова похож? Молодец. Нужно ему косточку заячью дать. А где он? – Хозяйка оглянулась. Будилы рядом не было.

– Будило! Давай сюда! Иди, мой хороший! – позвал кобеля позабывший все обиды Василий. – Ему цены нет. У Будилы голос что песня. А как он гоняет! А полаз какой, а вязкость! Нет такого выжлеца на весь район. А ты – «боров»! – Василий сделал вид, что обиделся на хозяйку. – Будило, где же ты? Иди ко мне!

Кобель, виляя хвостом, подошёл на зов, прижался к ноге.

– На, милый, поешь! Устал небось за день. Набегался! – Василий дал кобелю кусок хлеба.

Будило проглотил его одним махом и облизнулся. Получил ещё кусок. Выжлец был прощён. Все забыли, что он не отдавал им зайца.

– Хороший кобель. Настоящий гончак! – Валеркин отец потрепал Будилу за ушами. – А мы все – гончатники. Вот вы, хозяйка, знаете, кто такие гончатники?

Та отрицательно покачала головой.

– Гончатник – это охотник, имеющий гончих собак и охотящийся с ними.

После слов отца Валерка решил стать не просто охотником, а непременно охотником-гончатником.

За первым медведем

Осенняя практика в охотхозяйстве нашего института подходила к концу. Сданы последние зачёты. Впереди каникулы – весь сентябрь. Целый месяц, причём один из самых охотничьих.

Я решил, что начало каникул проведу, охотясь на медведя в одном из районов Кировской области, где живёт знакомый лесник дед Иван с бабой Дашей. Впрочем, решил не я один, а со своими друзьями по учёбе Александром и Валерием. Идея поездки родилась после лекций по любимому предмету «Технология добычи». Наш преподаватель Александр Петрович так обстоятельно и увлечённо рассказывал об охоте на медведя, что нам, в ту пору студентам третьего курса, казалось: возьмём косолапого без проблем.

– При охоте на овсах на лабаз надо заходить с центра поля, а не ходить вдоль края, – говорил, бывало, Александр Петрович. – Одежду нужно иметь чистую, не пахнущую потом, стираную и высушенную на ветру подальше от жилых построек. А вот валяться перед охотой в коровьем навозе, как поступают некоторые охотники, совершенно необязательно...

Это мне помнится и сейчас. Впрочем, как и многое другое, что закладывали в нас в Кировском сельхозинституте, где готовили кадры биологов-охотоведов для всего Советского Союза.

Деду Ивану заранее послали письмо с просьбой выкупить для нас лицензию на медведя, но, честно говоря, опасались, что забудет. Водился за ним грешок – любил выпить. Но была не была, едем!

От Кирова нам предстояло ехать всю ночь на север области. Только под утро поезд приходил на нужную станцию. В общем вагоне (никакой другой мы не могли себе позволить) народу, как всегда, было битком. Я забрался на самую верхнюю полку, где обычно возят багаж. Положив под голову рюкзак, попытался заснуть. Но было жарко и душно. Я, закрыв глаза, просто лежал и думал о предстоящей охоте. Представлял, как сажусь на лабаз, заряжаю ружьё, сижу, осматривая овсяное поле. Вот выходит медведь. Огромный, как копна. Целюсь в лопатку, стреляю. Медведь рывкает, падает на землю и остаётся лежать неподвижно. Начинаю спускаться с лабаза. Тут я, наверное, задремал. Поезд резко дёрнулся, рюкзак полетел на головы пассажиров, а я чуть не упал с полки и едва успел упереться рукой в потолок.

Всю оставшуюся часть дороги мы провели в тамбуре. Курили и обсуждали предстоящую охоту. Обговорили всё. Единственное, на чём споткнулись: куда девать столько мяса?

От станции до деревни около двадцати километров. Утро выдалось прохладное, и, выйдя из тёплого вагона, мы продрогли. Но уже через несколько минут ходьбы по размытой дороге стало жарко. Ведь на себе тащили почти неподъёмные рюкзаки с едой, патронами и многими другими вещами, необходимыми в лесу. Плюс ружья.

Дорогой часто останавливались, отдыхали. До дома деда Ивана дошли под вечер. Оказалось, наше письмо он получил и знал, какого числа мы будем у него. Дед не скрывал радости по поводу встречи, и пока мы разоблачались, ополаскивались, он суетился на кухне, подгонял бабу Дашу:

– Ставь самовар, вари картошку, ребята молодые, здоровые, с дороги устали, есть хотят!

Мы сидели на крыльце, отдыхали. Наверное, счастливее нас в этот момент людей не было. Позади ещё один год учёбы, мы уже четверокурсники! Впереди – охота и поездка домой к родителям. Словом, сплошная благодать!

Баба Даша тем временем накрыла на стол. Сколько здесь было всякой вкуснятины! Солёные и маринованные огурчики, капуста квашеная, мочёная брусника, мёд, варёные яйца, картошка, жареные караси... На привезённую нами из города варёную колбасу, считавшуюся тогда дефицитом, и смотреть не хотелось.

Достав захваченную с собой бутылку водки, уселись за стол. Дед разлил водку по стаканам. С хитрой улыбкой спросил:

– Ну что, на медведей приехали?

Мы утвердительно закивали в ответ.

– Тогда за ваше здоровье, ребята!

Усердно жевали всё подряд: огурцы, грибы, картошку, карасей...

– Между первой и второй перерывчик небольшой, – с той же хитровой улыбкой объявил дед, подняв наполненный стакан. – Ну что, ребятки, лицензию я вам выкупил, путёвку у охотоведа районного взял. Ещё раз дай вам Бог здоровья...

Потом мы опять сидели на крыльце и курили.

– Как дела в институте? – нарушил молчание дед.

– Дела, дед, у прокурора, а у нас делишки, – ответил за всех нас Александр. – Всё нормально. Экзамены и практика позади. Мы теперь на четвёртом курсе. А помнишь, как ты нас из леса выводил? Мы тогда на первом курсе были. Два дня блуждали по вятской тайге. Молоды-зелены были...

– А сейчас взрослые? И медведей не испугаетесь? – спросил дед.

– А что их бояться? Выйдет – убьём! – вмешался я в разговор.

– Ну-ну. Вот вас прошлый год не было. А осенью медведица местного тракториста из соседней деревни поломала. Рассказать?

– Валяй! – сказал Валерка.

– Пошёл он со своим другом в лес, я точно не знаю зачем. Из оружия – один топор на двоих. В лесу их медведица и подловила. Давай тракториста ломать. Сгребла и катает по земле. А дружок бегают и бьёт медведицу обухом топора по голове. Не испугался, не убежал. Медведица катала, катала тракториста, всего искусала. А потом бросила его и наутёк. Дружка не тронула. Как медведица убежала, дружок взвалил товарища на спину и потащил в деревню к фельдшеру. Как принёс, тот очнулся и спрашивает: «Где медведица?» А друг его отвечает: «Убежала». – «А ты её не бил, что ли, топором?» – «Как же, бил, и всё обухом». – «А почто обухом, а не лезвием?» А тот и отвечает: «Чтоб шкуру медведю не попортить».

Тут мы все разом рассмеялись.

– Вот как оно бывает, – подвёл итог дед. – Сейчас видеть друг друга не хотят. А были, как вы, тоже неразлейвода.

– У нас такого не будет, мы профессионалы. Охотоведа. Точно медведя уложим, дай срок, – ответили мы почти в один голос.

– Медведя-то много? – спросил я у деда.

– Да куда ему деться. Много. Кому сейчас медведь нужен? Теперь каждый норовит лося стрелять. Мясо получше, да и хлопот меньше. Завтра пройдёте по полям, сами посмотрите, как овёс нынче медведи потоптали. Сейчас самое время для охоты.

Вышла баба Даша:

– Старый, хватит ребят байками потчевать, а то они и до своих медведей не доберутся! Пусть ложатся, я им в чулане постелила, на полу.

Раздевшись, улеглись на чистую постель. Усталость взяла своё, и мы быстро заснули...

Когда встали, дед Иван уже орудовал на кухне: накрыл на стол, заварил крепкого чая и поставил на стол бутылку самогонки. Как только мы вошли на кухню, он тут же предложил опохмелиться. Мы отказались. От одного вида самогонки бросило в дрожь. А вот деду хоть бы что. Он налил, крикнув, выпил и, закусив грибочком, стал разливать чай. Баба Даша, войдя с ведром парного молока, сказала:

– Что, старый, с утра лечился? Вы его, ребята, не слушайте. Не пейте, у вас охота серьёзная. Выпейте чайку или простокваши. Сейчас я вас блинами угощу.

С этими словами она взялась за дело. Вскоре блины были готовы и выставлены на стол. Мы с Валерой наелись быстро. А у Сашки, по его словам, при виде блинов проснулся зверский аппетит. Он уминал блин за блином, обильно смазывая сметаной, которую черпал из большой глиняной миски деревянной ложкой. Дед Иван разговорился.

– Вы, ребята, сейчас на охоте не усните. А то в прошлый раз были двое из города. Как и вы, на медведя приезжали. Жили у охотоведа. Вечером хорошо поддали, утром полечились, здоровье поправили. Да, видно, перестарались. Когда на лабаз сели, их и разморило. Один возьми и засни. Так на землю с лабаза и грохнулся. Хорошо, ничего себе не сломал, только ударился сильно. А вот приклад у ружья – хрясь и пополам. Крику было, крику! А кого винить? Только себя, – сидел и философствовал дед.

Сашка тем временем съел всю сметану с блинами и попросил добавки.

– Саня, живот-то как у тебя, выдержит? Сметана-то у нас жирная. С непривычки оно того, может конфуз произойти, – сказал дед. – Мне не жалко, ешь на здоровье.

– Ничего, дед, не волнуйся. У меня желудок медные пятаки переварит. Все будет о'кей. – И, намазав очередной блин сметаной, Саня отправил его в рот. – Ну вот, теперь можно и на медведя. – Сашка наконец поднялся. – С полным желудком и на лабазе сидеть спокойнее. А на голодный мысли разные в голову лезут.

Поблагодарив бабу Дашу за завтрак, мы пошли собираться.

Взяв ружья и всё необходимое для сооружения лабазов, вышли к овсяным полям, первое из которых было в километре от деревни. Сразу бросились в глаза медвежьи тропы по краю поля. Каждый из нас выбрал для себя место для засидки. Делали небольшие лабазы – всего из нескольких жердей. Лишь бы было на чём сидеть и куда ставить ноги. Потом решили обойти вокруг других полей и посмотреть, куда ещё ходят звери. Обнаружив подходящие места, и там соорудили лабазы. Как учили в институте: пусть медведи к ним привыкнут, и мы, в случае неудачи в первые дни, попытаем счастья здесь.

Овёс уже вызрел. На поля, кроме медведей, выходили и кабаны. По краю поля, которое было ближе к деревне, походили и подняли несколько выводков тетеревов, а когда из-под ног взлетел глухарь, руки так и зачесались. Зарядить бы ружьё дробью да побродить, пострелять боровую дичь. Но нельзя – медведь сейчас для нас главное.

Обойдя все ближайшие к деревне поля, мы соорудили десять лабазов. Часа в два дня, пообедав, уснули на краю последнего, дальнего от деревни, поля. Проснувшись, пошли на самые лучшие, по нашему мнению, места. Садиться решили недалеко друг от друга. Договорились – до выстрела: лицензия-то одна. Если выстрел, то другие уже не стреляют, пока обстановка не будет выяснена. Если выстрелов не будет – сидеть до темноты. Спустившись с лабаза, каждый должен посветить фонариком, чтобы другой не принял его за медведя.

Сидеть было неудобно. Через некоторое время стали затекать ноги. Я начал ими шевелить, то опуская, то поднимая. Потом заболела спина. Я стал крутиться на лабазе, ища для неё опору. Берёза, на которой я соорудил лабаз, оказалась жидковатой, прислониться спиной было не к чему. Ко всему прочему, дерево качало ветром. И я подумал, что так и свалиться недолго. Темнело довольно быстро. Вот-вот должны были появиться медведи. Я понемногу усиделся, нашёл точки опоры и понял, что смогу выдержать на лабазе до темноты.

Но неожиданно со стороны Саши начали доноситься странные звуки. Я долго не мог понять, что же там у него происходит. И когда наступило самое ответственное время, до меня донёсся крик:

– Я больше не могу терпеть.

Сашка прыгнул с лабаза. Ломая сучья и держа в одной руке ружьё, а другой на бегу растёгивая ремень, он побежал через поле.

– Ребята, я не могу, простите! Завтра поохотимся. Никуда медведи от нас не уйдут! – орал он уже на другом конце поля. Стало ясно: охота на сегодня закончилась.

Дед Иван ждал нас на улице.

– Что, касатики, как медведи? Никак не дотащите? – пошутил он. – А я вам баньку натопил. Венички запарил. Бутылочку достал. Давайте парьтесь и за стол.

Мы рассказали, что случилось с Сашкой.

– Ничего, я его вылечу, – сказал дед. – После бани водочки с солью выпьет, и всё как рукой снимет.

Парились мы долго, часа два, от души. Выйдя на улицу, сели рядом с баней на скамейку и стали смотреть на небо. Оно было чистое и всё в звёздах. Ничего не хотелось делать, даже шевелиться.

– Всё-таки, мужики, как хорошо! – сказал Сашка. – Если бы не живот, я сейчас был бы самый счастливый человек на всём белом свете... Чёртова сметана!

– Не сметана виновата, а твоя жадность, – уточнил Валерка.

...Стол опять был накрыт, в центре стоял ведёрный самовар. Сашка выпил стакан крепко солёной водки, и его передёрнуло, но он стойко перенёс процедуру лечения. С перекошенным лицом взял солёный огурец с тарелки и смачно захрустел. Подсевшая к столу баба Даша пыталась нас успокоить:

– Не переживайте вы из-за этого медведя. Нужен он вам! Ну убьёте, а может, его и есть нельзя? Больной. Вы же сами рассказывали, что такое возможно. Купите лучше у нас с дедом бычка. Замучил он нас совсем. Домой не загонишь. Чтоб его волки разорвали!

– А то правда! – оживился дед. – Купите, много не запросим.

– Ты, баба Даш, извини, но бык нам не нужен. Мы, охотоведы, мясо привыкли добывать в лесу, в тайге. А тут бык домашний. Засмеют нас. Мы уж как-нибудь на медвежатнике посидим, – ответил за всех Валерка.

В ту ночь мне вновь снились медведи. Они ходили по полю, подходили к лабазу. Я пытался стрелять, но ружьё почему-то не стреляло. Стало так обидно, что я проснулся.

На улице светило солнце. Ребята посапывали, прижавшись друг к другу. Я встал, оделся и вышел на улицу. Дед уже суетился во дворе по хозяйству.

– Проснулся? Иди, глянь быка. Вон пасётся, – вернулся он ко вчерашнему разговору.

Я посмотрел в сторону, указанную дедом. Там, на краю огорода, пасся довольно упитанный бык, совершенно чёрной окраски. Бык поднял голову, посмотрел на нас и замычал.

– Посмотри, красавец какой наш Борька, мясо слаще любой колбасы! – сказал дед.

– Извини, дед Иван, не нужен он нам, – ответил я.

– На нет и суда нет. Как хотите. Моё дело предложить. Ваше – отказаться. Иди буди ребят. А то спать здоровы.

...На лабазы сели уже в пятом часу вечера. Для этого поля трёх засидок было бы многовато, и Сашка с Валеркой решили сесть вместе.

Прошло около часа, когда я услышал за спиной чьи-то шаги. Некто остановился, засопел, втягивая воздух. Кто это был, медведь или кабан, я не определил. Но что это зверь – сомнений не было. Он минут двадцать топтался не так далеко от моего лабаза и пошёл в сторону ребят. Видно, что-то учуял. Лабаз в этот раз у меня снова был на тонкой берёзе. Я сидел на нём, как и в первый раз, раскачиваясь то вправо, то влево. Радовало одно: вокруг были свежие медвежьи выходы, а одна тропа проходила прямо под лабазом. Я чувствовал, что сегодня мне повезёт – увижу медведя. И не ошибся. Не просидел я и часа, как метрах в ста от моего лабаза, на краю поля, заметил шевеление. Медведь! И сразу же из леса на поле выбежал медвежонок. За ним второй. Отойдя от опушки метров на семьдесят, они остановились и стали скусывать метелки овса. Медведицу я не видел, но чувствовал, что она где-то рядом. Стоит и из-за кустов следит за своими детёнышами. Стрелять медведицу и медвежат я не собирался, поэтому стал наблюдать, что же они будут делать дальше. Медвежата медленно ходили по полю, лакомясь верхушками овса. Я подумал: «Пасутся, как коровы, только очень маленькие». Медведица появилась

позже. Выйдя на край поля, она встала на задние лапы. Огляделась. Решив, что опасность не угрожает, пошла к ним, в глубь поля. Так вся семья двигалась в мою сторону. Меня они не замечали. Поравнявшись с моей берёзой, медвежата, видимо, насытившись, устроили игру. Они визжали и кусали друг друга. Наблюдать за ними было смешно и интересно. Но ружьё я на всякий случай, сняв с предохранителя, держал наготове. Мало ли что. С медведицей шутки плохи. Медвежата продолжали драться, и тут, видно, один укусил другого очень больно. Укушенный, пронзительно взвизгнув, попытался убежать, но второй схватил его за заднюю ногу. Так они и стояли. Один визжат и рвется, а другой его не пускал. Матери это не понравилось. Она подошла к ним и врезала лапой тому, который визжат, такую оплеуху, что шлепок, как мне показалось, был слышен на все поле. Медвежонок завизжал еще сильнее. Рванул от матери в сторону леса, прямо на мою берёзу. Бежит и визжит. Я не утерпел и рассмеялся. Тут медвежонок врезался в мою березу. Она содрогнулась, и я, потеряв равновесие, полетел вниз, одновременно нажав курок и выстрелив в воздух. Медвежонок после удара о дерево и выстрела отпрыгнул в сторону с таким визгом, который нельзя описать. Он рванул за мамашей и вторым медвежонок, которые также улелётывали в лес. Приземлившись, выстрелил в воздух еще раз. Лежал под деревом и смеялся.

Через некоторое время подошли Валерка и Сашка. Стояли и смотрели на меня, как на дурака. Первым не выдержал Валерка:

– Хватит ржать, мерин! Расскажи, что случилось? В кого стрелял?

Я, немного успокоившись, рассказал. Они заулыбались.

– А вы-то видели кого-нибудь? Я слышал, как краем леса в вашу сторону прошёл кто-то.

– Слышали, – сказал Валерка. – Но зверь на выстрел не дошёл.

Мы подвели итог охоте: всё, сегодня звери на это поле уже не выйдут. На другие идти не было смысла.

На следующий день решили караулить медведей поближе к деревне. Сашка долго убеждал нас, что напуганные звери сегодня теоретически должны выйти на ближние поля, где мы не были. Дед Иван его поддержал. Подумав, мы согласились. Тем более что это поле медведи посещали очень охотно.

К вечеру уже сидели на лабазах. Всё сделали, как учил Александр Петрович на лекциях. Зашли с центра поля к местам засидок, предварительно определив, откуда дует ветер. Одежду надели чистую, которую привезли с собой из Кирова про запас. Всё предусмотрели.

Мне достался дальний конец поля, Валерка сидел ближе к деревне, а Сашка в центре. Сашка позавидовал Валерке: у тебя, мол, угол классный, точно медведь выйдет. Не промахнись.

– Будь спокоен, только бы вышел, не промахнись! – ответил тот.

У меня в этот раз лабаз был очень удобный. Ребята построили его на совесть. Я сел, замер и стал наблюдать, что происходит вокруг. Примерно около часа просто сидел и любовался окружающей природой. Смотрел на поле, берёзы, слушал, как шумит лес. Что может быть прекраснее на свете!

Быстро темнело. Небо затянуло тучами. Начал накрапывать дождик, и я стал подумывать об окончании охоты. Опять не повезло. Только подумал, как с Валеркиной стороны раздался выстрел. Через некоторое время второй. Наступила тишина.

«Добил», – подумал я. Стемнело полностью. Спускаться с лабаза я побоялся – вдруг подранок. Решил подождать. Еще выстрел. И сразу Валеркин крик:

– Готов! Давай сюда!

Я мигом слетел с лабаза и быстрым шагом пошёл в сторону, где сидели Сашка и Валерка. Сашка ждал меня у своего лабаза. Когда я подошёл, он посветил фонариком и окликнул:

– Что я говорил! Слышал? Готов!

– Пошли, предсказатель, – ответил я.

Подойдя к Валеркиному лабазу, мы увидели, что он все ещё сидит на дереве.

– Где зверь? – спросили мы.

– Там, метрах в семидесяти от нас. В низинке. Поздравьте меня. Я сижу, уже сумерки, думаю: «Ну всё, не вышел медведь!» Вдруг вижу – краем поля движется чёрный силуэт. Здоровый. Выцеливаю, как учили, в лопатку. Стреляю. Слышу стук, значит, пуля попала. Он упал. Вдруг как рывкнет! Живой, думаю. Вторым – стук. Вижу, готов. Посидел, перезарядил ружьё. Думаю: «Для верности нужно добавить. Зверь ведь серьёзный!» Прицелился, ещё – стук. Не шевелится. Ну я и закричал, что готов. Вот, сижу, жду вас.

С ружьями наперевес мы с Сашкой двинулись в сторону чётко выделявшегося на фоне овсяного поля чёрного пятна. Подойдя к убитому животному, опешили: перед нами лежал... Борька.

– Что, большой? – кричит Валерка. – Самец?

– Конечно, самец. И большой. Что, его зря, что ли, дед Иван и баба Даша два года кормили... Креста на тебе нет! – выругался Сашка.

Увидев убитого бычка, растерянный Валерка сказал:

– Что делать? Может, чёрт с ним? Не видели. Может, его волки... того, съели?

– Что ты мелешь? – ответил я. – Не волки, а мы. Будем есть твой трофей всем общезжитием. Поохотились... Обдирайте и думайте, как такую прорву мяса сохранить и где денег занять, чтобы со стариками рассчитаться. А я в деревню. Нужно им сказать, что мы быка решили купить. Да и лошадь найти, чтобы мясо перевезти. Медвежатинкой после побалуемся, ещё надоест. Медведи сейчас жирные, от такого мяса может быть изжога. А у этого бычка мясо диетическое, для здоровья полезное.

– Я так и думала, что наш Борька вам понравится, – обрадовалась баба Даша, узнав, что мы надумали совершить покупку. – Приезжайте ещё, у нас тёлочка подрастает...

Золотая лихорадка

Ручей брал начало далеко в сопках и, подпитываясь водой тающих снегов, бежал к большой реке. Быстрое течение тащило по дну ручья песок, мелкую гальку, небольшие камни. Со временем в устье образовалась приличная яма, на дне которой и собиралось всё, что вода приносила с собой...

Подошедший к яме человек устало опустился на колени, положил на землю карабин и нагнулся, чтобы напиться. И только сделав несколько глотков, он вдруг заметил на дне в преломляемых водой солнечных лучах что-то блестящее. Человек закатал рукав рубашки, опустил руку в ледяную воду, зачерпнул со дна горсть песка. На ладони вперемешку с песком и речной галькой выделилось несколько тёмно-жёлтых золотых крупинок.

Дрожащими руками он аккуратно положил их в шапку и теперь уже опустил в ручей обе руки. Может быть, золота больше не окажется. Но вновь небольшие «самородки-тараканы» заблестели на ладонях. По щекам человека покатались слёзы, во взгляде появилось безграничное счастье. Беззвучно шевеля губами, бережно выбирая из песка каждый самородочек, он сложил золото в шапку. Затем несколько раз перекрестился и поклонился появившемуся богатству.

Вдруг лицо его стало каменным, тело напряглось. Оглядевшись по сторонам, человек поднял с земли карабин и передёрнул затвор, дослав патрон в патронник. В заблестевших по-звериному глазах одновременно появились страх, алчность и злоба. И когда из тайги к ручью вышел ещё один охотник, он приложил к плечу карабин, прицелился и плавно нажал на спуск...

* * *

В общежитие Валерка вернулся раньше всех сокурсников. Зимой дома делать было нечего. Погостив немного у родителей, собрался – и назад, в Киров. Во время каникул в общежитии хорошо, никого, занятий нет, в институт ходить не надо. Валерка побывал в лесу, прошёл на лыжах по путику, проверил поставленные капканы. Попалась куница. Сейчас он сидел в своей комнате и правил шкурку, восхищаясь густым зимним мехом.

Валерка обожал охоту. Любую: ружейную, капканную, весной, зимой, осенью – всё равно, лишь бы в лес, в поля, луга. Поэтому и профессию выбрал по душе: в институте, где он учился, был факультет подготовки специалистов для нужд охотничьего хозяйства. А началось всё с книг, которыми Валерка зачитывался с детства. Повествования о приключениях, таёжных походах, частенько авантюрных, о жизни животных подтолкнули его связать жизнь с охотой и лесом.

Точно таким же был и его товарищ Володька, который сейчас открыл дверь в комнату. За спиной у него был огромный рюкзак, на плече охотничье ружьё, в руках две пары лыж и собака на поводке. Лайка, увидев сидевшего на кровати Валерку, прыгнула к нему, поставила лапы на колени и завияла пушистым хвостом.

– Узнала. Молодец, красавица! – Валерка потрепал собаку по шее, пристально посмотрел на Володьку: – Ты откуда такой?

– Помоги лучше рюкзак снять. – Он положил лыжи на кровать и повернулся к другу спиной.

– Что у тебя там, железо? – удивился Валерка, принимая рюкзак и опуская его на пол.

– Как угадал? Капканы там да пара глухарей. Из леса я. Вы-то по домам разъехались, а я в тайгу. В родные края успею летом съездить. Зимой там только водку пить с друзьями

детства. А в лесу сейчас – во! – Он показал Валерке большой палец. – К тому же я ещё и лыжи у местных аборигенов выменял. И себе, и тебе.

Лыжи, сделанные из ели и обшитые лосиным камусом, были примерно полтора метра длиной при ширине сантиметров пятнадцать и толщине – два.

– Как ты на них ходить собираешься? – спросил Валерка. – И чем тебе наши заводские не угодили?

– Много ты понимаешь! Эти лыжи один дед делает, а он в охоте толк знает. Я ещё и посох охотничий приволок. Койбедь называется.

Посох имел с одной стороны лопаточку, а с другой – железный наконечник. Володька пояснил, что посох заменяет лыжную палку, а при стрельбе может служить сошкой. Лопаткой охотники раскапывали снег, чтобы переночевать в лесу, наконечником пробивали лёд. При помощи посоха выпугивали белку, затаившуюся на дереве, можно было устанавливать капканы и маскировать их под снегом.

– Где ты такого старья насобирал? – улыбнулся Валерка.

– Места знать надо! Давай завтра на испытание этих лыж рванём, тогда увидишь, какое это старьё.

– Давай! – сразу согласился Валерка. – Чего в общаге сидеть.

Рано утром ребята уже ехали в поезде, а часа через три вышли на нужной им станции и с удовольствием вдохнули морозный воздух. При помощи шнурков приладив на ноги лыжи, двинулись лесом подальше от железной дороги. По сравнению с заводскими эти лыжи были значительно тяжелее и идти в них по снегу было удобно – скользить не давал камус. Но ноги быстро устали, и друзья сели отдохнуть на поваленное дерево неподалёку от ручья.

– Что я говорил! Заводские лыжи легче, – сказал Валерка, закуривая сигарету.

– Камусные тоже неплохие. Только привычка нужна, как в любом деле. – Володька тоже закурил.

Они какое-то время сидели молча. Потом Володька, сказав, что хочет пить, стал спускаться к ручью.

Несмотря на мороз, ручей местами не был покрыт льдом, а на небольшом перекате вода даже шумела, переливаясь на каменистом дне. Подойдя к берегу, Володька промерил посохом глубину, которая оказалась не больше полуметра. Сняв лыжи, он присел на корточки, зачерпнул ладонью воду и стал пить. Когда попытался зачерпнуть воды ещё раз, обратил внимание, что на дне поблёскивают маленькие жёлтые кусочки.

Глаза Володьки широко раскрылись от изумления. Закатав рукав и опустив руку в ледяную воду, он зачерпнул со дна песок вперемешку с галькой. Когда поднёс ладонь к лицу, увидел множество жёлтых кристалликов.

– Золото! – выдохнул он. – Кругом много золота! – Володька поднялся, распрямился и вытер выступивший на лбу пот. С минуту стоял не шевелясь.

– Ты где? Утонул? – вывел его из оцепенения голос друга.

– Не ори! – вздрогнул Володька. – Давай быстрее ко мне!

– Что с тобой? – изумлённо спросил подошедший Валерка. – Бледный весь – краше в гроб кладут.

– Тихо! Вдруг кто услышит. Нам сейчас только этого не хватает!

– Да что с тобой? Свихнулся, что ли?

– Сам ты свихнулся. На, смотри! – Володька протянул руку, показывая лежавшее на ладони.

– Ну и что тут такого?

– Неужели золота не видишь? – со злой хрипотцой в голосе спросил Володька. – Золото в ручье! Всё дно им усеяно.

Валерка недоверчиво покачал головой и, приблизившись к берегу, стал вглядываться в воду.

– Видишь, как кристаллы блестят, – горячо зашептал ему в спину друг. – Это самое настоящее золото. Я знаю – один раз видел, как старатели его моют.

Он стал черпать из ручья мокрый песок и укладывать его на снегу в аккуратную кучку до тех пор, пока она не достигла внушительных размеров.

– Ты работать собираешься? – наконец обратился он к Валерке, который, судя по его виду, никак не мог понять, что здесь происходит. – Водичкой холодненькой умойся – полезно! – Володькины глаза светились. – Это же золото. Радуйся, мы теперь богаты, теперь другая жизнь начнётся...

– Да откуда здесь золото может взяться? – возмутился Валерка. – Я, когда в институт поступал, один журнал научный специально прочитал про природу края. Так там было написано, что в этой области золота нет и быть не может. Это геологами доказано.

– Ты, брат, даёшь! – вскочил на ноги Володька. – Веришь каким-то статейкам, каким-то мифическим геологам. А мне и глазам своим не веришь! Я тебя ещё убеждать должен! Посмотри на песок. Видишь, как кристаллы на солнце характерным золотым блеском сверкают? Написано, написано! На заборе знаешь, что написано? А там – доски. Давай снимай рюкзак, породу загружать будем. В городе я тебе научно докажу, что это золото.

В рюкзаке оказался большой целлофановый пакет, который будущие охотоведы почти полностью наполнили мокрым песком. Рюкзак оказался тяжеленным, но Володька бодро сказал, что своя ноша не тянет, и с помощью Валерки кое-как взвалил его себе на плечи. «Своя ноша» потянула к земле, и Володька, качнувшись, еле устоял на ногах.

– Ничего, дойдём! – просипел он и с трудом заскользил по лыжне в направлении железнодорожной станции.

Обратный путь оказался очень долгим. Ребята часто останавливались, чтобы по очереди нести неподъёмный рюкзак. Лыжи с каждым шагом казались всё тяжелее. Когда показалась станция, ноги еле двигались.

– Главное, породу до поезда дотащили. Даром ничего не даётся, богатство заработать нужно, – рассуждал Володька, сидя на лавочке. Валерка в ответ лишь кивал, от усталости не было слов.

В общежитии они появились поздно ночью. Затащив рюкзак в комнату, закрылись на ключ. На всякий случай Володька подёргал ручку двери, проверяя, надёжно ли она закрыта, после чего зашептал:

– Господь помог, что никого из ребят не встретили. Нам лишние разговоры ни к чему. Плохо только, что по дороге местные на нас пялились. В следующий раз нужно быть осторожнее. И породы меньше брать будем. Я думаю, часть золота на месте у ручья отделять можно. Палатку с печкой поставить, иногда и заночевать в лесу. Ещё шурфы бить необходимо. Самородки могут попадаться. Ты готов?

– Когда начнём? – спросил Валерка.

– Через пару дней. Проверим только, золото у нас или нет. Ты же не веришь.

– Почему? Верю! – обиделся Валерка. – А проверить всё равно нужно.

– Ты прав. Завтра сходим в областную библиотеку, попросим геологический справочник-определитель. У тебя читательский билет сохранился?

– Не помню даже, где он, – пожал плечами Валерка.

– Оболтус! В библиотеку ходить надо, а ты капканы по тайге ставишь.

– А сам что, лучше? Где твой-то читательский билет? Покажи!

– Успокойся, билеты восстановить не проблема. Давай пока золото от породы отделим. За ночь успеть надо. Завтра ребята приезжать начнут, а нам ещё от песка избавиться надо.

Высыпав на пол песок, они всю оставшуюся ночь выбирали из него кристаллы и складывали их в пробирку, к утру оказавшуюся полной. Землю пересыпали в большую хозяйственную сумку, чтобы днём вынести из общежития и где-нибудь выбросить. Спать решили не ложиться. Умылись холодной водой, попили крепкого чая и стали собираться в библиотеку.

– Что-то больно рановато пожаловали, – удивилась старушка библиотекаря, когда студенты попросили оформить им читательские билеты. – Нужда какая?

– Нужда, хозяйка, огромная нужда. На карту, можно сказать, поставлена вся наша будущая жизнь, – серьёзно ответил Валерка. – И чтобы её спасти, дайте нам, пожалуйста, геологический справочник-определитель.

Получив справочник, ребята поспешили сесть за стол как можно дальше от немногочисленных в это время посетителей библиотеки. Володька стал лихорадочно перелистывать страницы.

– Так. Металлы и неметаллы. Неметаллы нам не нужны. Только металлы. Вот они! А вот и золото! – Он громко хлопнул рукой по столу, после чего шёпотом стал читать текст. Когда прочитал всё, что касалось золота, лицо его сияло от счастья, точно так же, как вчера в лесу у ручья. – Убедился? – торжествующе спросил он товарища. – Всё сходится. Место обнаружения, сопутствующие породы, цвет, блеск. Всё! Мы с тобой теперь богаты, понял! Эх, жаль, в библиотеке кричать нельзя! Пойдём быстрее в общагу!..

– Теперь у нас только две проблемы, – рассуждал Володька, когда они шли домой, вдыхая морозный воздух. – Первая – намыть как можно больше золота, а вторая – куда потратить кучу денег, полученных за презренный металл.

– Володь, а как мы его продадим-то? Да и противозаконно это... А, может, это всё-таки не золото?

– Если ты такой Фома неверующий, то пойдём сейчас на кафедру химии и узнаем, как определить золото не по определителю, а в натуре. Ну а насчёт сбыта не волнуйся. Было бы что сбывать. Пошли! – И Володька хлопнул друга по плечу.

Ребятам повезло – преподавательница химии была в своём рабочем кабинете, хотя и собиралась уходить. Не тратя времени на какие-либо объяснения, Валерка сказал:

– У нас тут одна небольшая проблема. Короче, хотим узнать, как происходит процесс определения золота.

– Хотите узнать, как определить катионы золота? – удивилась преподавательница.

– Нет. Только чистый металл.

– Это делается «царской водкой», – стала объяснять она. – То есть смесью, состоящей из одного объёма концентрированной азотной кислоты и трёх объёмов концентрированной хлороводородной, другими словами, соляной кислоты. «Царская водка» растворяет золото и платиновые металлы, не взаимодействующие с азотной кислотой. Действие её объясняется образованием свободного хлора и хлорида нитрозила, хлорокиси азота, обуславливающих высокую скорость окисления. Реакция с золотом обычно записывается так. – Она встала и быстро написала мелом на доске формулу. – Раствор принимает характерный жёлтый цвет. Понятно?

Они робко кивнули.

– А можно мы посидим на кафедре и позанимаемся? – попросил Валерка. – Попробуем сами раствор «царской водки» приготовить. А если не получится, попросим лаборанта помочь.

– Хорошо, – согласилась преподавательница, немного подумав. – Только будьте поаккуратнее. Оставляю кабинет под вашу ответственность.

– Не маленькие, понимаем, – успокоил её Володька, а когда учительница ушла, радостно потёр руки. – Отлично! Лаборанту «до лампочки», чем мы занимаемся. Попросим – поможет.

И действительно, пришедшая вскоре в кабинет лаборантка приготовила по их просьбе раствор «царской водки». Володька недоверчиво потряс пробирку с раствором:

– Проверим здесь, чего тянуть! – Он подошёл к окну. – К тому же в общагу сейчас уже толпа зевак понаехала. А лишние вопросы нам ни к чему.

Он достал из кармана пакетик с жёлтыми кристаллами и аккуратно пересыпал небольшую их часть в пробирку с «царской водкой».

– Смотри, они уменьшаются в размерах! – через пару минут воскликнул Володька. Он взболтал раствор, который на глазах начал желтеть. – Золото, золото манит нас, – пропел он песню из известного кинофильма. – Я оказался прав. Мы миллионеры! Все, в институт ходить больше незачем. Все прелести жизни для нас...

– Пошли в общежитие, миллионер, – как можно спокойнее сказал Валерка, хотя радость друга передалась и ему.

Идя по коридорам общежития, ребята старались придать лицам серьёзное выражение. Удавалось это с трудом, ведь глаза их так и светились счастьем.

– Откуда такие радостные? – встретил ребят вопросом их сосед по комнате Пашка, только-только вернувшийся из дома. – Я-то думал, вы в лесу на охоте. Давно приехали?

– Давно, Пашенька, пару дней назад. А радостные... Об этом не рассказывать, об этом песни петь надо. – Володька схватил стоящую в углу гитару и, ударив по струнам, запел: – Люди золота жаждут, чтоб его тратили. Вечно в мире суровом бродят старатели... Пашка, ты счастливый человек. Но чего тебе в жизни не хватает? – вдруг спросил он.

– Я-то, конечно, счастливый, – почесал голову Пашка. – Мне многого не надо. Вот только долг отдать ребятам, ну и денег на бутылку водки.

– Немного же тебе для счастья надо, – не успокаивался Володька. – Ну а вот мечта у тебя есть? Несбыточная?

– Есть, как без мечты! Вы же знаете, я на остров Фиджи уехать хочу. Там тепло... – Пашка откинулся на кровать и блаженно закрыл глаза.

– Это серьёзная мечта. Так вот, наш юный друг. Мы, я и Валерка, можем твою мечту осуществить. И это сущая правда. – Володька ударил себя кулаком в грудь.

– Ладно врать-то! – отмахнулся Пашка.

– Не вру я, Паша! Посмотри, дружище, в мои честные глаза. А мне не веришь, так Валерка подтвердит.

Валерка утвердительно кивнул, после чего Пашка приподнялся и снова сел на кровать, недоверчиво переводя взгляд с одного на другого.

– Врёте. Откуда у вас могут быть такие деньги? Банк ограбили или вас усыновил какой-нибудь миллионер? А может, выгодная супружеская партия подвернулась?

– Не угадал, – улыбнулся Володька. – Вторая попытка...

– Клад нашли?!

– Теплее, теплее, дружище. Думай, Паша, думай. – Володька закурил сигарету и передал её приятелю.

Тот, затянувшись, сказал:

– Раз не клад, значит, что-то другое нашли. Рассказывайте, черти, хватит мучить. Не видите, как волноваться меня заставили, аж руки задрожали.

– Расскажем? – Володька посмотрел на Валерку.

– Давай. А то ещё помрёт от инфаркта. Ты же знаешь, какой он впечатлительный. – Валерка достал пробирку с жёлтыми кристаллами. – Смотри. Что это, по-твоему?

Пашка взял пробирку в руку и внимательно стал рассматривать содержимое.

– Не знаю, – наконец сказал он.

– Золото это. И мы знаем, где его немерено. Только тихо! – Володька приложил указательный палец к губам.

– Золото? – переспросил Пашка. – Какое золото? Откуда?

– Оттуда, где природа для нас – бесплатный магазин. Мы уже проверили по двум каналам, и анализы подтвердили правильность наших исследований. Это золото! – Володька поднял руки вверх и закатил глаза. – Господь Бог дал нам счастье за все наши благие деяния, чтобы провести жизнь в достатке и наслаждении. Или ты, Пашка, не желаешь?

– Желая. Только что-то во всё это верится с трудом. – Пашка встал с кровати, взял чайник и через носик стал пить воду. Попив, вытер губы. – Во рту даже пересохло. Кто-нибудь еще об этом знает?

– Ты что, нас за дураков держишь? – Володька покрутил пальцем у виска. – Только с тобой решили поделиться. В общем, завтра начинаем добычу металла.

– А институт, учёба?

– Какой институт? Понадобится тебе на Фиджи институт – построишь и будешь в нём учиться. Давайте лучше обсудим предстоящее мероприятие.

– Я думаю, сейчас нам необходимо найти побольше денег на еду, снаряжение и тому подобное, – сказал Валерка. – Намоем золота, сразу долги отдадим. А пока у меня денег кот наплакал.

– И у меня не густо, – демонстративно порылся в карманах Володька. – Все потратил на каникулах. Правда, кое-что из пушнины можно продать.

– А мне займы никто и не даст. Я и так всем должен, – уныло сказал Пашка.

– Ладно, придётся нам с Володькой у ребят заниматься! – Валерка подошёл к двери и прислушался. – Вроде всё тихо. Давайте подробнее обсудим детали...

Только к полуночи всё было обговорено. Утром ребят разбудил крик «Подъём!», прозвучавший на всю общагу. Студенты начали собираться на занятия.

– Вставайте, лодыри! – засуетился Володька. – Нам хоть в институт и не надо, но разлёживаться некогда. В лес пора.

– Труба зовёт на подвиги, – потянулся Пашка и, посмотрев в окно, сказал: – Мороз сегодня. Холодно будет в воде-то копать.

– Главное, успеть сделать ходку к ручью и обратно, – сказал Валерка. – В тепле с породой работается лучше.

Завтракать ребята старались как можно дольше – ждали, когда все студенты уйдут на учёбу. Попадаться на глаза с рюкзаками за плечами в их планы не входило.

– Для нас сейчас основное – конспирация и ещё раз конспирация, – говорил Володька, то и дело поглядывая на часы. – Но и задерживаться особо нельзя, а то до темноты из леса выйти не успеем...

У ручья троюлька старателей оказалась только к обеду. Володька сразу зашёл в воду и, зачерпнув лопатой со дна песок, поднёс к лицу Пашки:

– Смотри, это то, что нам нужно! Тут таких кристаллов видимо-невидимо.

Кристаллы ярко блестели на солнце. Перекурив, ребята принялись за работу. Несколько часов они, не обращая внимания на холод и усталость, занимались каждый своим делом: по очереди стоя в воде, доставали со дна песок, вываливали на берег, где покрасневшими от мороза пальцами выбирали жёлтые кристаллы и складывали их в пробирки. Опомнились, только когда начало темнеть и мороз ещё больше усилился. К тому времени ноги и руки замёрзли так, что ими было больно шевелить.

– Володь, может, на сегодня хватит? – не выдержал Валерка. – Задубели совсем. Грузимся и едем в город.

– Хватит-то хватит, но домой нам сейчас нельзя, – вздохнул Володька. – Нас же в общаге все увидят, породу до комнаты незаметно никак не протацишь. Так что придётся здесь ночевать, а утром, когда все в институт уйдут, поедем. Согласны?

Немного подумав, Валерка и Пашка согласились с этим предложением и стали готовиться к ночёвке. Хорошо, что догадались захватить с собой топор и пилу. Проблем с дровами не

было. Усталые, но счастливые, они сидели у костра, пили чай и высчитывали, много ли им удалось намыть золота и сколько ещё понадобится дней трудиться, чтобы богатства хватило на всю оставшуюся жизнь. Получалось что-то около месяца.

Ночь прошла беспокойно. Дрова прогорали быстро, становилось холодно, постоянно приходилось подбрасывать сухие сучья в огонь. С рассветом накинули на плечи полные рюкзаки и гуськом двинулись по направлению к станции. Идти было тяжело, сказывались и тяжёлый трудовой день, и почти бессонная ночь. На поезд успели еле-еле...

Дома отбросили мысли об отдыхе и принялись перебирать породу. Сил хватило только на два рюкзака. Третий засунули под кровать и повалились спать. Проснулись от настойчивого стука в дверь.

– Вы почему сегодня на занятиях не были? – набросился на ребят староста группы, когда ему открыли дверь. – Преподаватели спрашивали, что с вами случилось, и мне пришлось врать, что вы пока ещё с каникул не вернулись. Объясняйте, что происходит!

– Не кипятись, – стал успокаивать старосту Володька. – У нас всё нормально, просто дело очень важное появилось. Ты нас пока прикрой в институте сколько сможешь, а мы тебя не забудем, отблагодарим. Нам сейчас на учёбу некогда ходить, понимаешь?

– Я-то вас прикрою, – озабоченно сказал тот. – Только смотрите, предметы в этом семестре сложные... А что всё-таки происходит? Кто-то слух пустил, что вы сегодня в общагу тяжеленные рюкзаки притащили. Что это значит?

– Потом расскажем, потом. Ты нас извини, мы не выспались. Приходи завтра, поговорим. А сейчас нам поспать нужно. – И Володька тихонько, но настойчиво вытеснил старосту из комнаты в коридор, после чего захлопнул перед его носом дверь...

Следующие три недели Валерка, Володька и Пашка, не разгибая спин, добывали золото. Участок работ был оборудован по всем правилам старательского искусства. В лесу у ручья стояла палатка с железной печкой внутри, и последние несколько дней ребята не появлялись не только в институте, но и в общежитии, ночуя в лесу.

Их постоянное отсутствие обросло среди студентов множеством различных слухов, дошедших и до декана. Всех троих вызвали в деканат, куда никто из них не явился, ведь они об этом даже не догадывались. «Золотая лихорадка» заставила забыть обо всём на свете.

Первым опомнился Пашка.

– А из института-то нас, наверное, уже выгнали, – сказал он. – Шутка ли, почти месяц на занятия не ходили! Одичали здесь совсем...

– Да, – согласился Валерка. – Пора в город. Долг ребятам надо отдавать, а то обидятся. Занимали-то на две недели, а прошло вон сколько.

– Хорошо, вы оба правы, – согласился Володька. – Нужно отдохнуть, а то совсем нас золото затянуло. К тому же я чувствую, что простыл, кашлять начинаю.

– Возвращаемся к людям! – обрадовался Пашка. – И так намыли золотишка предостаточно. Пора сбывать и тратить!

– Но палатку снимать не будем, – упрямо заявил Володька. – Зимой наш лагерь никто не найдёт. А мы через некоторое время сюда вернёмся и ещё поработаем.

Через пару часов ребята шли к станции. В общежитии, умывшись и переодевшись, они заперлись в своей комнате и собрали добытое в одну общую кучу на столе, которая была довольно внушительных размеров. Ребята не могли оторвать от этого богатства счастливых глаз. Сидели, курили, мечтали...

Потом, словно что-то вспомнив, Пашка подошёл к своей тумбочке и, порывшись в ней, вернулся к столу, держа квадратную батарейку для фонарика, маленькую лампочку и иголку. Под недоуменными взглядами товарищей он выбрал из кучи самый крупный кристалл, положил его на один из контактов батарейки, затем соединил его в единую цепь с иглой, лампочкой и вторым контактом. Лампочка не загорелась. Пашка повторил опыт ещё несколько раз –

результат оказался тем же. Он убрал кристалл с контакта, и лампочка сразу вспыхнула ярким светом. Пашка выбрал из кучи ещё несколько кристаллов, по очереди проверил их – лампочка всякий раз оставалась незажжённой.

– Ток не проводит, – невозмутимо сказал он, – значит, наше золото не металл. А значит, и не золото.

– Ах ты, физик чёртов! – вскипел Валерка. – Ну-ка, дай я проверю.

Он повторил эксперимент, но результат остался тот же. Лампочка ну никак не хотела загораться...

Первым начал смеяться Володька. Сначала тихо, затем всё сильнее и сильнее. Через минуту смеялись уже все вместе.

– Не металл, не золото, – вытирая выступившие от смеха слезы, вновь и вновь повторял Володька. – Тогда что же это такое?

– Чёрт его знает. – Пашка встал со стула. – Да и какая разница, что это такое! Главное – не золото.

– Лучше скажите, что нам теперь делать? – вздохнул Валерка. – Золота нет, вместо денег – одни долги, да и с институтом теперь, видимо, будут одни проблемы...

Декан поставил им условие: не будет «хвостов» – останутся в институте. И до самой весны ребята навёрстывали то, что пропустили за месяц. А вечерами после учёбы всей троицей ходили разгружать вагоны, чтобы рассчитаться с долгами.

Как-то раз, во время уборки территории возле института, Валерка заметил в чёрной весенней грязи множество мелких жёлтых блёсток. Он зачерпнул грязь лопатой и поднёс её к Володькиному лицу:

– Нашего золота даже в луже навалом.

– Ну и что, – сказал Володька, – подумаешь, ошиблись! С кем не бывает? Ты лучше вспомни, какое чувство испытал, когда то самое «золото» увидел! Что мы все пережили! Настоящей золотой лихорадкой переболели. А ведь такое далеко не каждому в жизни испытать доводилось. Среди всех наших ребят только тебе, мне да Пашке...

Рагу по-охотничьи

Старенький институтский пазик медленно тащился по размытой дождями дороге, проваливаясь в глубокие лужи и разбрызгивая грязную коричневую воду. Капли дождя, попадая на автобусные стёкла, ненадолго задерживались, потом, соединившись с соседними каплями, тоненькими струйками стекали вниз, отчего картофельные поля за окнами видны были нечётко, расплывчато. На некоторых картофелиях уже был собран, на других сейчас работали машины и люди.

Первым из сидевших в автобусе студентов, с молчаливой грустью смотревших в окна, заговорил белобрысый коренастый парень.

– Когда же это закончится? – обратился он и к своим товарищам, и к преподавателю, назначенному старшим группы. – Из года в год одно и то же. Как осень, так нас трудовым десантом на поля бросают. В прошлом году овёс по снегу стоговали, сейчас картошку из глины выкапывай! А глина-то здесь, сами знаете, такая, что ни от картошки, ни от сапог, ни от одежды не отскрывается.

Он замолчал, но в автобусе тут же возник гул голосов, поддерживающих парня.

– Вечно ты, Михаил, недоволен, – громче других сказал преподаватель, строго поглядев на студентов.

– А чему тут радоваться? – тут же встрепенулся белобрысый. – Я, может, в институт учиться приехал, а не картошку собирать. Ладно бы еще на мясокомбинат послали, как на первом курсе. Вот там лафа была. Там мы отъелись...

Мишка закрыл глаза, вспоминая, как он каждый день, прежде чем уйти домой с мясокомбината, опоясывал тело, словно пулемётными лентами, гирляндой сосисок, скрывая их под брезентовой курткой-штормовкой, чтобы не поймали на проходной. Сейчас он был одет в ту же куртку, на спине которой было написано красной краской: «Нам жить в двухтысячном году».

– У него тогда даже глаза жиром заплыли, в щелочки превратились. – Сидевший рядом с Михаилом его друг Володька, живший с ним в общежитии в одной комнате, толкнул того в бок: – Правда, Миш?

– Ну вот, всё испортил, – открыл глаза Мишка. – Только о хорошем подумал, и на тебе!

В это время автобус притормозил и, аккуратно съехав на обочину, остановился возле трактора, к которому был прицеплен картофелеуборочный агрегат. Второй трактор с огромной, заляпанной грязью телегой стоял неподалёку.

– Выходите, демагоги, приехали! – скомандовал преподаватель и первым покинул автобус.

Ребята по очереди стали спрыгивать с подножки на землю. Преподаватель, поговорив с трактористом, объявил:

– Здесь, на этом поле, нам предстоит работать два дня. А дальше видно будет. Так что сейчас делитесь на две группы. Одни будут идти за картофелекопалкой и собирать картошку в мешки, другие – грузить мешки на телегу. Работать будем без обеда, чтобы пораньше освободиться. Согласны?

Студенты согласились. Через минуту трактор, взревев двигателем, медленно потащил за собой картофелекопалку, оставляя на мокрой земле следы колёс и вывернутые картофелины. Ребята двинули следом, наблюдая, как картошка, протрясаясь по грохочущему транспортёру, отделялась от земляных комков и сыпалась в бункер. Оставшиеся на земле картофелины приходилось складывать в вёдра, которые по мере наполнения пересыпали в мешки – по пять в каждый.

Работали с неохотой. На обувь ребят налипла глина, которая счищалась с большим трудом. Все часто останавливались, трясли ногами. Чем дальше, тем лица ребят становились все

недовольнее. И только старший группы с умным видом стоял на площадке возле транспортёра, следя, чтобы на него не попало ничего лишнего.

– Слышь, Володь, ну сколько можно! – начал возмущаться Мишка. – Уже два часа глину месим без перекура. Нам ведь ордена не нужны. Поддай-ка вон тот булыжник, я его на транспортер подложу. Может, тогда эта штука остановится. – И он положил на транспортерную ленту довольно тяжелый камень.

– Надо же, какой булыжник вывернуло! – удивился преподаватель, беря в руки камень и отбрасывая его в сторону.

– Заметил наш Зоркий Сокол! – ухмыльнулся Мишка. – Ладно, повторим операцию.

Он поднял с земли только что выброшенный камень и вновь незаметно сунул его на транспортёр.

– Булыжник. Точно такой же, как и первый! – Преподаватель во второй раз выбросил камень.

– Может, теперь не заметит! – Мишка в третий раз положил злополучный булыжник на транспортёр.

Ребята, забыв о картошке, следили, что будет дальше. Камень доехал до площадки, где стоял преподаватель. На этот раз, увидев булыжник, как две капли воды похожий на первые два, тот от удивления снял очки и, близоруко сощутив глаза, довольно долго его рассматривал.

– Ничего не понимаю! На этом поле камни какие-то одинаковые попадают.

Он размахнулся, чтобы отбросить его подальше, но, на секунду задумавшись, опустил руку и положил камень рядом с собой. После этого он подозрительно посмотрел на ребят, которые, как ни в чём не бывало, шли за трактором. Тут трактор остановился. Ребята собрались в кружок, закурили.

– Что, мужики, такие кислые? – спросил у них вылезший из кабины тракторист и, не дождавшись ответа, задал ещё один вопрос: – А охотников среди вас, случайно, нет?

– Тут все охотники, – ответил Володька. – А в чем дело?

– Дело в том, что вон на той опушке леса уже который день волк крутится, – показал тракторист на край леса. – Я его несколько раз видел. Причём в одно и то же время – аккурат после обеда.

– Где, где ходит? Что он там делает? – посыпались вопросы.

Мишка же недолго думая забрался на крышу трактора.

– Ничего не вижу, – сказал он, но, приглядевшись, добавил: – Хотя что-то есть. Точно, пацаны, что-то серое на опушке мелькает. Может, и правда, волк?

– Точно, там волк, – улыбнулся тракторист. – В прошлый раз я к нему на тракторе вплотную подъехал. Он мышей ловит и на трактор внимания не обращает, чуть его не задавил, а он в самый последний момент из-под колёс отпрыгнул, оскалился и в лес удрал. А на следующий день смотрю – опять на прежнем месте мышей ловит.

– Давай подъедем, посмотрим, – стал просить Мишка. – Случай-то уникальный – волк на поле днём выходит и не боится никого. А вдруг он бешеный?

– Чего зря зверя пугать? Если вы все здесь охотники, так привозите завтра ружьё. Повезет – добудем зверюгу! Вот тогда и посмотрим, больной он или какой. А сейчас давайте работать: для вас картошка – развлечение, а у меня план горит.

– Правильно товарищ говорит, – поддержал тракториста преподаватель. – Завтра будет день, будет и охота. Разрешаю одному из вас взять с собой ружьё и патроны с картечью. Пусть это будет... Михаил.

Вечером в общежитии вся группа собралась в комнате, где жил Мишка. Обсуждали, как лучше добыть волка: с подхода, скрадом, на засидке. Кто-то предложил поставить на волчьей тропе капкан или петлю. В конечном итоге согласились с предложением тракториста – стрелять волка с подъезда.

– Не промажешь? – строго спросил Мишку Володька.
– Ребята, вы же меня знаете, – обиделся тот.
– Да пусть стреляет, не промахнётся, – поддержали Мишку друзья.
– Главное, чтобы наш препод не подхватил инициативу. А то еще притащит свой карабин, и начнётся, – сказал Володька. – Помнишь, Миш, как однажды мы ему за его «Барсёнка» по шее накостыляли?

– Когда накостыляли? – спросил кто-то. – Расскажите.

– Да на прошлой осенней практике, – стал рассказывать Мишка. – Сидим мы в охотничьей избе, в девятнадцатом квартале. Я, Володька и Серёга. Только что супа поели, сидим, чай пьем. Вдруг на улице выстрел. Пуля пробивает дверь, пролетает между нами и входит в стену. Нас какое-то чудо спасло. Ну мы по-военному падаем на пол, лежим, ждём. Тут второй выстрел, за ним третий. Пули только в стену шлёпают. Четвёртый, пятый. Удовольствие, я вам скажу, не из приятных. Потом тишина наступила, но мы всё равно с пола не встаём. Потом слышим шаги. Дверь открывается, и на пороге появляется наш препод. Смотрит этот снайпер на наши задницы и говорит:

– Ой, ребята, вы здесь? А я-то думал, изба пустая. Решил вот своего «Барсёнка» пристрелять...

Мишка прервал рассказ, взял чайник, налил в стакан кипятка и стал сыпать туда заварку. Сидевшие по кроватям ребята смотрели за его действиями, ожидая продолжения.

– Дальше-то что было? – не выдержал кто-то.

Мишка сделал небольшой глоток.

– Что дальше? Догнали мы его и надавали по шее за такие дела. Карабин отобрали... Правда, потом вернули. Мужик он неплохой, с кем не бывает...

Утром каждый посчитал своим долгом зайти к Мишке в комнату. Напоминали, чтобы не забыл ружьё, патроны, давали советы. Последним, кто поинтересовался о ружье, был преподаватель, встретивший Мишку у пазика. Вместо ответа Мишка повернулся к нему спиной, демонстрируя висевший на плече чехол с ружьём.

– Картечь в кармане, – похлопал он себя по куртке и запрыгнул в автобус.

– Мишка, этот хлюст всё же припёр своего «Барсёнка», – сказал подсевший к другу Володька. – Я его спросил зачем, а он говорит, что, мол, для страховки. Но ты не волнуйся. Раз решили, что тебе стрелять, значит, так оно и будет.

Тракторист встретил ребят с улыбкой:

– Ружьё привезли?

– Даже два, – буркнул кто-то.

– Ну и хорошо. Сейчас начнём работать, а когда зверь появится, постараемся к нему подобраться.

– Как?

– С трактора, как же ещё! Стрелок пусть сядет ко мне в кабину. Мы потихоньку подъедем к волчаре. Ты, паря, – тракторист посмотрел на Мишку, – прямо сейчас ружьё в кабину положи.

Мишка так и сделал. Трактор завёлся, картофелекопалка загрохотала, ребята начали собирать картофель, и глина сразу налипла на их сапоги и одежду. Работа шла вяло. Дождик, моросивший с самого утра, к обеду закончился, но тучи по-прежнему висели над землёй одним черно-серым слоем.

Наконец, к радости ребят, тракторист остановил свой агрегат и отцепил картофелекопалку. Мишка забрался в кабину, открыл окно, быстро собрал и зарядил ружьё.

– Всё, теперь спокойнее, – сказал тракторист и медленно поехал поперёк картофельных борозд в сторону леса.

От такой езды Мишку болтало из стороны в сторону, он больно ударился о какие-то железки и рычаги, но только крепче сжимал ружьё и пристальнее всматривался в лес. Доехав

до опушки, трактор двинулся вдоль неё. И вот тракторист толкнул Мишку в бок и кивком показал вперёд. Там был волк.

Мишка видел, как он прыгает, с силой ударяя по земле лапами, таким образом выгоняя из нор мышей. Зверь был удивительно красив. Звуки и вид приближающегося трактора, казалось, совсем его не тревожили.

Пока стрелять по нему было далековато, и Мишка попросил тракториста, чтобы он поехал немного стороной, однако сокращая со зверем расстояние. Высунув ружьё в окно, снял его с предохранителя и приготовился стрелять.

Трактор подъезжал всё ближе и ближе, а волк по-прежнему не обращал на него внимания. Когда расстояние между ними сократилось метров до тридцати пяти, тракторист заглушил мотор. Волк сразу насторожился, выгнув спину дугой и посмотрел прямо на Мишку. Прицелившись в шею, Мишка нажал на спусковой крючок. Волк споткнулся, задев мордой землю, попытался бежать, но Мишка выстрелил второй раз, и зверь упал.

– Готов! – Голос тракториста вернул Мишку к реальности. – Молодец, парень, с полем тебя!

Подбежали ребята, каждый хлопал Мишку по плечу, поздравлял с добычей. Окружив волка, все гладили его по спине, голове, обсуждали отличия дикого зверя от собаки. Подошел преподаватель и тоже сдержанно поздравил Мишку.

– Работы всё равно сегодня больше не будет, – сказал он. – Собирайтесь домой, а завтра сполна отработаем. Михаилу на один день от работы освобождение. Завтра шкуру в заготконтору сдашь и все необходимые документы оформишь. За такого зверя тебе премия положена. Тем более что это волчица. Обдирать здесь будем?

– В общаге лучше. Чего тут в грязи купаться! – ответил за всех Володька. – Нам бы всем и сфотографироваться с трофеем не мешало, ну и, соответственно, «на кровях» по рюмочке пригубить. Традиция!

– Хорошо. Тащите его в автобус. Только чтобы этих самых «на кровях» было в меру. А то я вас знаю!

В автобусе шло бурное обсуждение, почему волк охотился за мышами на картофельном поле, да ещё и днём. Некоторые считали, что он больной, другие доказывали, что раз в пасти нет пены и мех не тусклый, значит, волк самый что ни на есть обыкновенный.

Не доезжая до общежития нескольких кварталов, Мишка вдруг попросил остановить автобус.

– Ты что, нам еще ехать и ехать! – удивился Володька.

– Можно мы волка немного по городу понесём? – посмотрел Мишка на преподавателя. – Пусть люди посмотрят. Для многих это экзотика.

– Хулиганство это, а не экзотика! Дети на улице!

– Да разреши ты им! – остановил автобус водитель. – Всё равно не отстанут. Я тебя до дома довезу – скажешь, что раньше сошёл и ничего не видел.

– Ладно, – немного подумав, сказал преподаватель. – Выходите. Только в случае чего меня не выдавайте.

Ребята мигом выскочили на улицу. Волчицу старались нести по очереди, поэтому часто менялись местами. Прохожие, завидя их группу, изумленно останавливались и показывали в их сторону пальцами.

– Что это вы тащите? – остановил процессию у входа в общежитие вахтёр дядя Паша.

– Волка, нами добытого, – сказал Мишка, который взялся нести трофей самым последним.

– Не положено. Не пушу, – загородил дорогу вахтёр.

– Что не положено? Мы же сейчас праздник на всю общагу устроим, – подмигнул дяде Паше Володька. – И вам поднесём, не забудем!

– Ладно, проходите, – смиловился тот. – Хороший трофей!

– На кухню тащите. Там и обдирать будем, – посоветовал Володька.

Волка притащили на кухню, положили на длинный кухонный стол. Желающих снимать шкуру нашлось много. Прежде чем приступить к работе, Володька предложил скинуться всем, кто хотел принять участие в празднике, пообещав вернуть деньги, когда за шкуру будет получена премия. Денег он собрал прилично.

– Мне одному не справиться, – сказал Володька. – Нужны помощник и пара сумок, чтобы напитки донести.

Помощник нашёлся сразу, и гонцы поспешили в магазин.

– Закуску купить не забудьте. А то опять одним хлебом закусывать придётся, – крикнули им вдогонку.

Начали снимать шкуру. Прежде всего сделали разрез по внутренней стороне передних лап, начиная со среднего пальца. Затем – разрез по внутренней стороне задних лап – от пятки до заднего прохода. Распороли хвост. Шкуру снимали, осторожно подрезая плёнку. Долго возились, снимая кожу с лап так, чтобы когти остались на шкуре. Чтобы облегчить дальнейшую съёмку, тушу подвесили на крюк. Вскоре на кухню заглянул Володька:

– Молодцы, быстро вы её. А я там в нашей комнате уже стол накрыл. Прошу.

– Тащи сюда, здесь махнём, – сказал Мишка, продолжая обезжиривать шкуру.

Через минуту Володька принёс на кухню бутылку водки, стаканы, луковицу, полбуханки чёрного хлеба и небольшой кусок сала. Выпили. Жуя хлеб, Мишка спросил:

– Как там остальной народ?

– Отмечают. – Володька разлил по стаканам оставшуюся водку. – Ждут, когда вы освободитесь.

– А ты закуску-то купил? – спросил Мишка, глядя на луковицу.

– Взял кое-что. Кефира, например. Чем завтра с утра лечиться будем? А кефир в самый раз. Хлеба ещё купил. Лук и сало у нас в комнате есть. Мясо бы сейчас не помешало, но нет его в магазинах.

– А это чем вам не баран? – сказал Мишка, показывая на висевшую тушу. – Смотрите, как похож, даже жирок на боках имеется!

– Ты что, волка есть собрался? – Володька посмотрел на друга с недоверием.

Ребята, мездрившие шкуру, остановили работу и тоже с интересом посмотрели на Мишку.

– А что? Представьте себе, что вы в тайге от голода погибаете. И тут волка добыть удалось. Не стали бы его есть?

Ребята пожали плечами.

– Еще как съели бы! В жизни с нами, охотоведами, всякое может случиться. Так что необходимо попробовать. – Мишка отрезал от волчьей лопатки небольшой кусок мякоти, внимательно его рассмотрел и даже понюхал. – Мясо как мясо. И псиной совсем не пахнет. Вспомните собаку, которую в прошлом году ели. Эта псина совсем не хуже. А если её по рецептам из «Книги о вкусной и здоровой пище» приготовить, то и вовсе от барана не отличишь. Сейчас я её принесу.

Вскоре Мишка принёс кулинарную книгу и, сев на стул, стал перелистывать страницы и читать вслух:

– «Закуски». Нет, это не то. «Соусы». Не то. «Первые блюда – бульоны и супы». Так... «Бульон из костей, суп из баранины с овощами и рисом...»

– Тебе супчику захотелось? – перебил его Володька.

– Не мешай! Суп нам не потянуть – овощей нет. – Мишка перевернул очередную страницу. – Раздел «Жареное мясо. Ростбиф. Мясо, жаренное в сметане с луком, бефстрога-

нов, бифштекс с картофелем, шашлык». – Мишка снова посмотрел на тушу. – Нет. Нашего «барана» лучше варить, чем жарить.

Он стал зачитывать раздел за разделом. Но каждый раз для приготовления требовалось слишком много компонентов.

– Может, просто наварить мяса в кастрюле? – не выдержал Володька.

– Просто, Володя, только кошки... с крыши падают. А мы народ культурный. Принеси лучше еще одну бутылочку, а я пока еще рецептик поищу.

Когда Володька принёс бутылку и все выпили, Мишка не без гордости сказал:

– Смотри, что я нашёл! «Приготовление блюд в полевых условиях. Рагу по-охотничьи». – И он стал читать: – «Промытую и вымоченную тушку зайца разрезают на куски по сорок – пятьдесят граммов, кладут в котелок или чугунок, заливают водой и добавляют имеющиеся у охотников в наличии специи...»

– Тут заяц, а у нас волк, – сказал Володька, когда рецепт был дочитан до конца.

– Это одно и то же, – возразил Мишка. – Мясо – оно и в Африке мясо. У нас в общаге самые что ни на есть полевые условия. Давай тащи наш котелок и все компоненты захвати: лук, соль и так далее.

Володька опять вышел, а Мишка, слегка пошатываясь, подошел к туше и начал срезать с неё небольшие куски мякоти. А ещё через несколько минут вода в котелке уже кипела, и волчье мясо варилось почти по рецепту, указанному в кулинарной книге. Ребята покинули кухню и присоединились к компании, пировавшей у Мишки в комнате. Произносились тосты за охоту, за институт, за охотничье оружие (при этом тосте водку в стаканы лили через стволы ружья, из которого сегодня стрелял Мишка). Потом начались тосты за дам и жён охотоведов. Кто-то заметил, что неплохо бы пригласить на праздник девчонок с соседнего факультета. Они бы, мол, облагородили компанию. Гонцом вновь стал Володька.

– Дамы скоро обещали быть, – сказал он, вернувшись примерно через час. – Даже отужинать с нами согласились. А как там мясо?

– Когда девушки придут, тогда и мясо сварится. Ты давай наливай! – Мишка стал убирать со стола мусор.

Вскоре пришли девчонки, которых ребята встретили радостными приветствиями. Выпили предложенную водку.

– Что так с закуской бедно? Сказали, так мы бы захватили чего-нибудь.

– Не волнуйтесь. У нас охотничье рагу готово, – заверил их Володька и выбежал из комнаты. Вскоре он принёс котелок и поставил его на подставку посреди стола. – Угощайтесь, пожалуйста!

Сидевшие за столом потянулись за мясом. Володька ухаживал за девчонками. Выпив, стали закусывать.

– Вкусно, – сказал кто-то.

– Из чего рагу? – спросили девчонки.

– Баранину одному из наших родители из дома прислали, – улыбнувшись, сказал Мишка.

Концовку пирушки он помнил плохо. В памяти остались танцы, выпивка и снова танцы. Очнулся он утром у себя в комнате. Лежал на кровати в одежде. Голова раскалывалась. За окном шёл дождь, по небу плыли всё те же серые тучи. Мишка посмотрел на часы. Хорошо, что сегодня на картошку не надо. А вот ребят пора будить, а то опоздают. Но прежде он открыл свою тумбочку, достал бутылку кефира и несколькими большими глотками выпил содержимое. Немного полегчало. Крикнул:

– Подъём, товарищи! Страна зовёт на подвиги!

Первым глаза открыл Володька. Машинально полез в тумбочку за кефиром. В комнате было слышно, как по коридору бегают студенты. Стояла обычная утренняя суета. Мишка

пошёл умыться, а когда вернулся, в комнате уже никого не было. Недолго думая он снова завалился спать.

Проснулся Мишка часа через три. Голова уже не болела, и чувствовал он себя сравнительно бодро. Упаковав шкуру в сумку, Мишка, немного подумав, пошёл на кухню. Волчья туша по-прежнему висела на крючке, и он ножом срезал внутри её несколько небольших кусочков мяса (так называемые ножки диафрагмы). После этого он направился в институт.

– Тебе чего, Михаил? – спросила его заведующая кафедрой зоологии, когда он заглянул в её кабинет.

– Да я тут пришёл, – замялся он, – в общем, мне нужно проверить на заражённость мясо волка.

– Давай проверим. У меня как раз есть немного свободного времени. – Заведующая кафедрой взяла из его рук кусочки мяса и села к микроскопу. – Отлично видны трихинеллы спиралис, – сказала она через некоторое время.

– Что видно? – робко спросил Мишка.

– Трихинеллы. Этот волк при жизни был заражён трихинеллёзом. – Завкафедрой посмотрела на начинающего бледнеть Михаила.

По его спине между лопаток тонкими струйками стал стекать пот. Его даже качнуло, и чётко вспомнились слова профессора на лекции: «Личинки проникают в организм вместе с заражённым мясом. Инкубационный период заболевания равен 10–15 дням. Начало болезни острое: возникает лихорадка, отёчность, появляются мышечные боли. Наиболее часто больных беспокоят боли в глазах, шее, жевательных и икроножных мышцах. Трихинеллёз может осложняться миокардитом, пневмонией и поражением других органов. При интенсивном заражении нередко отмечается летальный исход».

«Вот и поели охотничьего рагу! Всё, конец!» – Мишка сел на стоявший у стены стул. Его вдруг прошиб озноб.

– Расскажи, где это ты волка больного взял? – Завкафедрой в упор посмотрела на Мишку. – Где туша? Её необходимо уничтожить.

Мишка поднялся со стула и молча вышел из кабинета. Как очутился в своей комнате, он не помнил. Сообразил, что делает, только когда нашёл недопитую бутылку водки и выпил одним махом почти полный стакан. Водка обожгла горло, в голове сразу зашумело. Он налил ещё, но пить не стал. Нашёл в тумбочке чью-то пачку сигарет, закурил, глубоко затягиваясь. Курил он очень редко, но теперь...

Через час бутылка была пуста. Испуг притупился, и теперь Мишка чувствовал полное безразличие к жизни. Он лёг на кровать и сразу уснул. Ему приснился преподаватель. Глядя ему в глаза, он говорил:

– Я же тебя лично просил, чтоб в общежитии без проблем. А ты что натворил?

Разбудил его Володька.

– Ты что, пьяный? – удивился тот. – Во даёшь! Вставай, мы приехали. Устали, как собаки, есть хотим. Давай-ка выпьем и мясом закусим.

– Нельзя мясо, – осипшим голосом сказал Мишка. – Заражено оно трихинеллами. Это смерть. Инкубационный период всего несколько дней, а дальше – хана.

– Что ты мелешь? Какая смерть?

– Мы все умрём. Ты, я, Серёга, девчонки. Кто ел вчерашнее рагу – все умрут. Заведующая кафедрой зоологии определила заражённость нашего волка трихинеллёзом. Она ошибиться не может.

Сообразив, что друг не шутит, Володька испугался. Руки задрожали, и он долго не мог прикурить – спички все время ломались. Наконец получилось.

– Слушай, Миш, а чего ты лежишь? Наверное, в больницу нужно бежать?

– Трихинеллёз неизлечим.

– Что же делать? Лежать и помирать?!

– Делай, что хочешь. Я не знаю...

– Пойду ребятам расскажу, – сказал Володька. – Может, они что-нибудь посоветуют.

Через некоторое время в комнату, один за другим, стали приходить ребята. Растерянные, испуганные. Рассказали, что на верхнем этаже ревут, причитая о себе, как о покойницах, девочки. Спрашивали у Мишки, что делать.

– Что делать? Напиться нужно напоследок. Всё равно скоро помирать. Кто в магазин пойдёт? А тушу волка проклятого закопать надо...

На следующий день все, кто ел волчье мясо, на уборку картофеля не поехали. Зачем? Всё равно скоро смерть. Сидели по своим комнатам, горевали. Девчонки продолжали реветь.

Весть о случившемся быстро распространилась по институту. Зачинщиков пирушки вызвали в деканат, потом в ректорат. Долго выясняли что да как. Ребята, потупившись, отвечали. Последней инстанцией, где им устроили допрос, была кафедра анатомии сельскохозяйственных животных, куда привели сразу всех. Старенький профессор внимательно оглядел ребят:

– Прошу вас, милейшие, правдиво ответить на мои вопросы. Волчье мясо ели?

– Ели, – буркнул за всех Мишка.

– Водку пили? – Профессор приложил руку к уху, чтобы лучше слушать.

– Пили, – снова за всех ответил Мишка.

– Когда пить начали, до еды? Много ли водочки было?

– Много. А пить начали сразу, как в общежитие вернулись. Мясо ели, уже плохо соображая, зачем мы его едим. Варили его долго... Мы же знаем, что волк может трихинеллёзным оказаться. Учили когда-то. Так получилось, мы не виноваты, – перебивая друг друга, загалдели студенты.

– Так, так, голубчики, – зацокал языком профессор. – Молодость, молодость... Факт, конечно, вопиющий. Наказать вас необходимо! Пусть другим неповадно будет. Однако со здоровьем у вас всё в порядке. Водочку благодарите. Она, родная, вас спасла. Благодарите!

Выйдя из института, ребята не могли поверить в свое счастье. Но последние слова профессора ни у кого не выходили из головы.

– Радость жизни необходимо отметить, – сказал Мишка. – Заодно и водочку поблагодарим.

– А где деньги взять?

– У девчонок в долг просить придётся, – сказал Володька. – Тем более что и им радостную весть сообщить нужно. Они тоже не умрут – водку до еды пить начали. У профессора диагноз точный, и они с такой радости не откажут. А когда за шкуру премию дадут, с долгами и рассчитаемся.

На следующий день на дверях деканата вывесили приказ, в котором пофамильно объявлялся выговор каждому студенту, нарушившему дисциплину и распорядок проживания в общежитии...

Блесна из ружейной пули

Обойдя дальние путики, я ближе к вечеру вернулся в охотничью избушку. На улице темнело и подмораживало, а в избе было тепло и уютно, можно спокойно заниматься своими делами, которых поднакопилось немало. Накормив собак, занялся снятием и правкой шкур с принесённых из тайги соболей. От работы отвлёк сначала лай одной из собак во дворе, а потом дверь в избу отворилась, и я увидел моего знакомого Толика.

Я познакомился с ним ещё в июле, когда прибыл в местный госпромхоз для прохождения преддипломной практики. Толик был штатным охотником, занимал соседний с моим участок, и именно он помог мне добраться до этой избушки – в августе по воде завёз на моторной лодке вместе с продуктами, снаряжением и всем моим скарбом. Сейчас на дворе стоял декабрь. С Толиком я имел связь исключительно благодаря запискам, которые он оставлял в расставляемых мной капканах на границах наших участков и в которых обычно сообщал, что у него всё хорошо и что скоро он наведается в гости. И вот теперь он с улыбкой поздоровался, сел за стол, налил себе чаю.

– Что, студент, всё хорошо, соболи ловятся? – поинтересовался Толик первым делом и, не дождавшись ответа, продолжил: – А у меня приманка кончилась, вот и решил к тебе зайти. Пошли на рыбалку. Наловим побольше рыбы, и еда, и приманка будут. Вдвоём ведь сподручнее. Согласен?

– Какая рыбалка? – с удивлением посмотрел я на охотника. – У меня ни сетей, ни снастей. Зима, мороз, на реке лёд, снега по колено. Ты что! С приманкой и у меня туго, но перебиваюсь.

– Студент, положишь на меня. Я местный. Всё тут знаю. Ловить будем не на реке, а на озере. Тут недалеко, километрах в пятнадцать-двадцать от твоей избы. За день дойдем. Там жильё есть. Крючки и леска у меня имеются, а больше нам ничего и не надо. Увидишь, как здесь рыбу ловят. Там её – рыбы – немерено. Не веришь? – Он вопросительно посмотрел на меня.

Я недоверчиво покачал головой. Что за озеро, где оно? Бросить промысел и тащиться куда-то из обжитой избы за двадцать вёрст «киселя хлебать» меня не прельщало. Но улыбающийся Толик продолжал меня уговаривать:

– Я как-то летом там на моторной лодке был. Вдруг недалеко от берега мотор заглох – винт не провернулся. Думаю: что случилось? Глянул за борт, а там караси стоят, спина к спине, воды не видно. У них как раз тёр был, вот они у берега и собрались. Такое количество, что лодка не пошла. А как до берега добраться? Пробовал шестом – не получилось. Плюнул, шагнул за борт на карасёвые спины, так по ним на берег и вышел.

Толик замолчал, глядя на меня и оценивая, какое впечатление произвёл рассказ.

– Да ладно врать! – засмеялся я. – Такого не бывает.

Толик сделал вид, что обиделся.

– Не веришь? Спроси Витьку Зыкова. Мы тогда с ним вместе были. Он подтвердит...

– Ладно, верю, – слукавил я. – Но если Витьку увижу, обязательно спрошу про твоих карасей. Но сейчас-то не лето, и клевать они вроде бы не должны. Как их ловить-то?

– Ну и тёмный ты, студент! – Толик посмотрел на меня с видом явного превосходства. – У вас в институте охотоведа все, что ли, такие? Караси сейчас спят, а мы будем ловить хищника. Окуней. Полосатых и горбатых. Хочешь участвовать – завтра идём. Нет – оставайся.

Подумав с минуту, я согласился. Чего я теряю? Ничего. Зато места новые посмотрю, с Толиком пообщаюсь, а то в последнее время, кроме собак, ни с кем не разговаривал. А когда рыбы не поймает (я был в этом уверен), выведу приятеля на чистую воду.

– Хорошо, завтра собираемся – и в путь, – обрадовался Толик. – А теперь давай перекусим, да и собаку мою покормить надо.

Я наложил ему в миску гречневой каши с зайчатиной, вышел во двор покормить собаку и, вернувшись, разлил по стаканам чай.

– Вот только к чаю ничего нет, – пожаловался я.

– Давай оладий испечём.

– Мука закончилась. Давно сижу на сухарях, кашах да макаронах.

– Ну ты, студент, даёшь! Макароны есть, а оладий нет. Ну-ка тащи их сюда!

Толик взял кастрюлю и стал укладывать в неё наломанные на мелкие части макароны. Наполнив кастрюлю наполовину, залил макароны теплой кипячёной водой, накрыл крышкой и поставил возле печи. Закваска готовилась часа три, и за это время Толик несколько раз поднимал крышку кастрюли и помешивал её содержимое ложкой.

– Готово, – наконец сказал он. – Давай я буду печь, а ты завари чайку свеженького.

И он стал ловко выкладывать на разогретую и промасленную сковородку получившуюся закваску. Подождав, переворачивал оладьи и, снова подождав, укладывал готовые в тарелку. По избе распространился неповторимый запах. Когда мы сели за стол, мне показалось, что вкуснее оладий я не ел никогда в жизни.

– Переписывай рецепт, студент, – с ноткой превосходства сказал Толик, когда я нахваливал этот деликатес.

Наевшись, мы легли спать. Я долго ворочался и всё никак не мог представить, как же мы будем ловить рыбу. А когда заснул, мне снилось, что я ловлю огромных окуней, но почему-то на спиннинг.

– Дорогу-то мы найдём, не заблудимся? – спросил я у Толика, когда утром мы вышли из избы на мороз.

– Я туда неоднократно навещался, – уверенно сказал он. – Несколько километров пройдем по старой дороге на север до одинокой сухой кедрки. Дальше на запад до кривой кедрки, от неё опять на север, а там и до озера недалеко.

Подперев дверь избы поленом, мы в сопровождении собак двинулись в путь. Идти было легко – после недавней оттепели на снегу образовалась корка, и лыжи не проваливались. До сухой кедрки шли довольно долго, хотя и не останавливались. Лишь один раз собаки облаяли белку, и я, не удержавшись, её подстрелил. У кедрки развели костёр и пообедали. Холодные макаронные оладушки пришлись к чаю в самый раз.

У кривой кедрки мы оказались, когда стемнело. Дальше шли, включив фонарики. По одному ему известным приметам Толик вёл меня к затерянному в тайге озеру. Когда я от усталости уже проклял всё на свете, он остановился, присел на поваленное дерево и закурил.

– Садись, студент, ещё один рывок – и мы у цели.

– Пятнадцать километров мы уже давно отмахали, – сказал я с упрёком. – Вышли-то потёмному, а сейчас ночь. Нигде не задерживались...

Толик молча сидел и курил. И лишь когда выбросил окурочек, сказал мне, улыбнувшись:

– Кто их в тайге мерил, эти километры! Пошли дальше.

О том, что мы вышли к озеру, я понял не сразу. Просто деревья кончились и впереди оказалась белая гладь. На противоположной стороне озера проглядывалась чёрная полоса леса.

– Ну вот и озеро, а ты переживал! – обернулся ко мне Толик. – Рыбы здесь прорва. Сейчас еще разок передохнём, и к избе.

– А где изба-то? – не удержался я.

– На том берегу. Озеро перейти надо. Оно неширокое, километра три...

Я промолчал. К избе мы подошли далеко за полночь. Она была добротная, но, видимо, люди останавливались здесь нечасто и в основном в тёплое время года. Приезжали сюда на рыбалку или за ягодами. Но главное – имелись крыша, окна, двери, печь, нары и даже кое-что из посуды. Правда, не было дров. А таскать их из леса было далековато. Все, кто здесь жил, пользовались сухостоем, который со временем вокруг избы повырубали, и каждый раз ходить

за дровами приходилось всё дальше и дальше. Вот и мы вынуждены были ещё часа два при свете фонарей рубить и таскать к избе сухие деревья. Когда затопили печь, я буквально валился с ног. Но прежде чем лечь спать, мы ещё напилили и накололи дров, после чего сложили их в поленницу. В итоге обустроились мы только к утру. Я рухнул на нары и сразу уснул.

Проснулся днём. Толик, сидя за столом, что-то вырезал на доске охотничьим ножом. В избе было тепло, в котелке на печи стояла сваренная каша.

– Ну и дрыхнуть ты здоров! – сказал он. – Давай обедай и на рыбалку.

– А ты чем занимаешься? – спросил я.

– Блесны нам делаю. Самые окупёвые.

Я увидел доску, на которой гвоздём были нацарапаны две небольшие рыбки, одну из которых Толик углублял ножом под форму.

– Сейчас пули на печи растопим и свинец в эту форму зальём, – пояснил он.

Закончив работу ножом, Толик вложил в форму крючок и залил в неё свинец, расплавленный в консервной банке. Доска зашипела, повалил дым. Через некоторое время он перевернул доску, ударил по ней, и на стол выпало подобие рыбки. Толик вновь пустил в дело нож, срезая растёкшийся по бокам формы свинец, потом шилом проделал отверстие в области глаза, и блесна была готова. Вскоре сделал и вторую блесну.

Он привязал блесны к леске толщиной где-то полмиллиметра и длиной всего метра полтора, а леску – к полуметровым сучкам.

– Вот и готово! – объявил Толик. – Выбирай.

Я выбрал снасть, где блесна больше походила на рыбку, и через несколько минут мы были на озере. Уже в двадцати метрах от берега мой приятель начал рубить топором лунку. Я посмотрел на него скептически, всё ещё не веря в успешную рыбалку, но потом принялся делать то же самое.

С каждым ударом по озёру шёл гул. Откалывавшиеся крошки льда разлетались в разные стороны. Минут через пятнадцать, когда уже образовалась внушительная яма, топор прорубил лёд до воды, и она тут же заполнила лунку. Вот только дырка оказалась маленькой, а рубить дальше было невыносимо. При каждом ударе приходилось погружать руку в воду, брызги окутывали меня с ног до головы и тут же замерзали, и вскоре шапка, рукавицы, телогрейка покрылись ледяным панцирем. В итоге топор выскользнул из рук и... утонул. Я плюнул и пошёл к Толику.

– Какая здесь может быть рыба? Да и топор утонул, – пожаловался я ему. – Пропади пропадом эта рыбалка!

– Эх ты! – улыбнулся он и показал свой топор. В ручке была проделана дырочка, через неё пропущен кожаный ремешок, петля которого захлёстывала запястье. Если бы топор выскользнул, то так и остался бы висеть на руке. – А теперь учишь лунку рубить. Сначала разрубашь как можно глубже, пока не останется тонкая перегородка по всему дну проруби. Вытаскиваешь крошки льда и только потом прорубашь до воды.

Толик ещё несколько раз ударил топором, в результате образовалась лунка сантиметров тридцать на тридцать. Он опустил в неё снасть сначала на всю длину лески, потом приподнял и стал ритмично подергивать блесной. Минут через пятнадцать, так и не увидев поклевки, он принялся рубить новую лунку.

По льду озера мела позёмка, было холодно, не успевали наши собаки лечь на лёд, как их сразу заваливало снегом, и они превращались в сугробы. Я наблюдал за Толиком и в душе немного злорадствовал, что ему не везёт. Уже почти стемнело, когда мой товарищ опустил снасть в очередную свежепрорубленную лунку, шестую по счёту, и вдруг вытащил из неё семисотграммового окуня!

Я замер. А Толик лишь улыбнулся, не мешкая, вырвал у рыбы глаз, насадил на крючок и опустил блесну в лунку. Не успела она достичь дна, как вновь поклевка, подсечка, и еще

один полосатик, уже граммов на девятьсот, забился на снегу. Через несколько минут у него уже было с десяток рыбин, две из которых весили явно больше килограмма. Мне оставалось только ему завидовать.

Было уже совсем темно, когда клёв прекратился.

– На сегодня хватит, – улыбаясь, сказал Толик. – Видишь, какой улов! Фома неверующий.

Крыть мне было нечем. Ко всему прочему, по дороге к избе я умудрился провалиться одной ногой по колено в занесённую снегом лунку. Промок насквозь, а про себя подумал: «Это меня Бог наказал, чтобы впредь не злорадствовал!»

Когда пришёл домой, моим самым большим желанием было согреться и попить горячего чайку. Но единственный котелок был занят недоеденной кашей.

– Если немного потерпишь, я заварю чай в стеклянной банке, – предложил Толик.

– Как в стеклянной банке? – удивился я, а Толик уже налил в литровую банку воды до самых краёв и поставил её на холодную печь, которую очень быстро растопил.

– Я, студент, не знаю всех законов физики, но через несколько минут у нас будет кипяток, – сказал он, закуривая.

Вскоре печка нагрелась, нагрелась и банка, со дна которой к поверхности стали подниматься пузырьки, и вот вода... закипела!

– Усёк? – вновь улыбнулся Толик. – Главное, чтобы полную с верхом холодную банку поставить на такую же холодную печь, а когда вода закипит, поставить банку на тёплую доску – тогда не лопнет.

Этой ночью я вновь таскал из озера окуней на спиннинг. Проснувшись ни свет ни заря и быстро перекусив, я, не будя Толика, помчался на озеро. И вновь я чуть не провалился в лунку – хорошо вовремя заметил. В ней-то и начат ловить. Сначала безрезультатно, но когда перешёл на другую вчерашнюю лунку, сразу почувствовал по леске удар. А через пару секунд в руках у меня был первый, довольно крупный полосатый красавец. Я быстро вырвал у рыбы глаз, и вот еще один килограммовый горбач сопротивляется на леске. Больше я уже ничего вокруг себя не видел. Только лунка и удочка. Поклёвка, подсечка, окунь. Поклёвка, подсечка, окунь... Сколько это продолжалось, не помню. Лишь когда поклёвки прекратились, увидел рядом внушительную горку окуней. Перебежал к другой лунке, и сразу начались поклёвки. Минут через пятнадцать еще одна кучка окуней на снегу. Все горбатые, полосатые – стандарт. Следующая лунка – поклёвок нет. Хватаю топор, рублю новую... и опять поклёвки, подсечки, окуни.

– Ну ты, студент, молодец! – вернул меня к реальности голос Толика. – Целый рюкзак натаскал! Можешь сбегать пообедать, я из вчерашней рыбы уху сварил.

– Вечером пообедаю, – отмахнулся я, – холодная уха вкуснее!

И снова бегаю по лункам, рублю лёд, ловлю. Окунь клюют без остановки. Прав был Толик – их здесь немерено.

Но вот, зацепив очередного крупного окуня, я почувствовал, что леска ослабла, и увидел её оборванный конец. Пропала блесна. Разочарованный, я пошёл к Толику и заметил, что уже начинает темнеть.

– Не волнуйся, студент, – сказал он, не спеша вытаскивая из лунки окуня. – Вечером сделаем тебе новую блесну.

Поглощая уху в теплой избе, я с воодушевлением рассказывал Толику, как таскал своих окуней. Впечатлений масса – такой рыбалки у меня никогда еще не было.

А он, отлив для меня новую блесну, сказал:

– Завтра ловим, и на этом хватит!

– Как же так? – с сожалением воскликнул я. – Ведь такой клёв!

– Ты лучше скажи, как всю эту рыбу мы домой дотащим? – рассмеялся он. – На спине?

Я с сомнением почесал голову. И в самом деле, даже рыбы, пойманной сегодня, слишком много.

– Всё-таки не тому вас в институте учат, – вновь улыбнулся Толик. Он вывел меня на улицу и показал прислоненные к избушке нарты.

– Откуда? Ты что, и нарты сделать успел?!

– Да нет. Сюда осенью знакомые геологи за ягодой приезжали, вот я и упробил их нарты припрятать. Сейчас откопал. Я ведь каждый год сюда за рыбой хожу. Для приманки да и просто поест. А то мясо надоедает. К тому же чем такая рыбалка не развлечение? Она, наверное, тебе на всю жизнь запомнится?

В эту ночь мне вновь снилось, как я ловлю окуней. Теперь, правда, не на спиннинг, а на палку, леску и блесну из ружейной пули.

Возвращение с дипломной практики

Выйдя из охотничьей избушки на улицу, Валерка почувствовал, как морозный воздух обжёт лицо. Пройдя метров семьдесят по направлению к реке, он замер, прислушиваясь. Тишину нарушил скрип снега за спиной. Валерка обернулся и заругался на подбежавшую собаку:

– Тише ты, морда! Не слышно из-за тебя ничего!

Рыжего окраса кобель, видно, что не породный, лайкоид, преданно смотрел на хозяина.

– Жрать, наверное, хочешь? Мне и самому ужас как хочется, вот только нечего. Эх, Чёртушка, ты мой. – Валерка снова прислушался. – Слышишь, Чёрт! Вроде вертолёт гудит, – обратился он к собаке.

Услышав кличку, кобель завилял хвостом. Валерка слушал.

– Видно показалось. Не будет вертолёта. Нужно с возвращением решать, а то поздно будет. – Он повернулся и пошёл к избе.

В избу не вошёл. Остановился у собачьей будки, сооружённой из жердей в виде шалашика, накрытого лапником. Внутри, на подстилке из сухой травы, лежала ещё одна собака. Увидев хозяина, она подняла голову.

– Лежи, милая, лежи, ты и так за сезон намаялась, исхудала, бедная. Ничего, дома отъедемся! – Он нежно погладил лайку, та забила о землю хвостом, вытянулась всем телом и начала чуть прискуливать от навалившегося счастья.

Вертолёта не было уже целую неделю, хотя в госпромхозе чётко назначили дату, когда его и Володьку собирались вывезти из тайги, где они проходили преддипломную практику. Ко всему ещё Володька вроде бы серьёзно заболел. Возможно, заработал воспаление лёгких. Так что ждать вертолёта больше не было смысла, надо выходить из тайги самотопом. Вот только дорога предстояла дальняя, а с продуктами напряг. Валерка порылся в кармане бушлата, достал сухарь, сдул с него табачные крошки и протянул собаке:

– На, Векша, подкрепишь пока.

Собака захрустела полученным лакомством. Услышав это, Чёрт попытался пролезть мимо хозяина в будку, но Валерка схватил его за шиворот и откинул прочь:

– Куда, Чертыря! Ты и так двойную норму продуктов сожрал. А толку от тебя, как от козла молока.

Кобель зарычал, оскалив белые клыки, но, когда хозяин протянул руку к увесистой палке, поджал хвост и отбежал подальше. Валерка подождал, когда Векша догрызла сухарь, ещё раз потрепал её за ушами и пошёл в избу.

– Что там, Валер, вертолета не слышно? – спросил лежавший на нарах в спальном мешке напарник – такой же, как и он, студент-охотовед. Спросил и закашлялся. Сильно, с хрипотой в горле.

– Нет, Володь. Видно, забыл про нас директор. Помнишь, перед нашей заброской он сильно пьяный был. Ну ничего, доберёмся до посёлка, обязательно с ним разберёмся. А пока попей-ка чая из боярышника! – Валерка наполнил кружку из стоявшего на печке чайника и подал её другу. – Сахара только нет, да и продуктов практически не осталось. Я думаю, ждать больше нельзя. Сколько до посёлка, не помнишь?

– Наверное, километров с восемьдесят будет, – сказал Володька, прихлёбывая чай. – Если в день по двадцать проходить, то за четыре дня доберёмся.

– Шустрый ты – по двадцать! Ты же больной.

Дней шесть назад Валерка в последний раз обходил путики. Заночевал в одной из избушек, находившихся на их участке. А вот Володьку, который после обеда тоже решил проверить путики недалеко от базовой избы, застала пурга. Он думал, что управится быстро, часа

за два, поэтому одет был по-лёгкому и даже фонарика с собой не взял. Пурга началась, когда он только-только добрался до дальних капканов. Мгновенно стемнело, повалил сильный снег. Володька сообразил сразу повернуть и по накатанной лыжне побежать обратно. Но на полпути лыжня пропала, и ему пришлось то и дело голыми руками нащупывать её впереди себя. До избы он добрался только к полуночи – весь мокрый от пота и снега, с обмороженными руками.

Теперь кожа на руках потрескалась, держалась высокая температура, мучил кашель. Лечиться было нечем. В медицинской аптечке нашли какие-то таблетки без упаковки, но употреблять их не рискнули. А зелёнка и йод против простуды не помогли бы. Хорошо ещё, что в запасе был медвежий жир. Им Валерка натирал другу грудь и руки, давал с чаем внутрь. Володька держался. Но это в избе, а что будет, когда придётся ночевать в лесу у костра? Морозы стояли сильные. И всё же Валерка решился.

– Собираемся и завтра в путь. – Он достал старенький компас и положил на стол, глядя, как стрелка немного поколебалась и замерла, указывая на север. – Поселок у нас строго на севере, думаю, не промахнёмся. И знаешь, что мы там в первую очередь сделаем?

Володька отрицательно покачал головой.

– В первую очередь зайдём в магазин. Помнишь, какие у продавщицы тётки Груни вкусные булочки продавались и топлёное молоко в железных банках?

– Ещё бы! Разве такую вкуснятину забыть можно! Жаль только, мало мы тех булочек с тобой перед охотой съели и молока выпили.

– Ничего, дай срок – наверстаем.

Со сборами Валерка провозился до темноты. Упаковывал добытую пушнину, остатки продуктов, проверял лыжи, нарты и прочее снаряжение. Ужинали глубокой ночью. Долго сидели и пили чай, на этот раз с клюквой, брусникой и шиповником. Последнюю вермишель сварили вместе с несколькими беличьими тушками и отдали собакам, следя, чтобы Чёрт, проглотивший свою долю одним махом, не отнял еду у Векши.

– Ты, консерва хвостатая, получишь у меня когда-нибудь, – погрозил Валерка кобелю кулаком, когда тот бросился облизывать пустую Векшину миску.

Проснулись рано. Володька, одеваясь, пошатывался от высокой температуры и слабости. По традиции присели на дорогу.

– Ладно, как говорится, спасибо этому дому, пойдём к другому, – сказал Валерка.

На улице от свежего воздуха у Володьки закружилась голова, и он прислонился к избе. Собаки, видя хозяев с ружьями на плечах, радостно завияли хвостами, показывая, что готовы отправиться на охоту. Валерка поймал сначала Чёрта, потом Векшу и впряг их в нарты.

– Идти сможешь? – обратился он к Володьке. Тот кивнул. – Тогда поехали.

Валерка взял ремень-потяг, сунул руки в петли и вместе с собаками потащил нагруженные охотничьим скарбом нарты. Идти было нетяжело. Снега выпало немного, наст держат. По дороге нарвали спелых ягод рябины, Валерка подстрелил сойку. Если бы не состояние Володьки, всё было бы нормально. Но он часто останавливался, салился на нарты и отдыхал. Кашель на морозе усилился. Валерка и собаки ждали, когда он сможет идти дальше.

– Всё, на сегодня хватит! – сказал Валерка часа за два до темноты. – Ты, Володька, отдыхай, а я ночлег приготовлю.

Он разгреб лыжей снег у выворотня, разжёг костёр и начал споро пилить сухие пихтовые безвершинки, готовя брёвна к ночи. Нарубив жердей, изготовил нары, набросал на них и на разгруженные нарты лапника, расстелил спальные мешки.

– Я на нарах перекантуюсь, а ты на нарты ложись – всё от снега повыше будет, а значит, теплее. Эх, из чего бы ужин приготовить? Крупы немного осталось да пара сухарей. Затянули мы с возвращением. Чёртов директор. Придём в посёлок, я ему рёбра пересчитаю! – Валерка посмотрел на друга: – Ты есть сильно хочешь?

– Нет. Сам знаешь, когда болеешь, есть совсем не хочется. – Володька вновь закашлялся.

Валерка бросил в костёр заготовленные брёвна. Пару самых толстых прижал друг к другу, третье, поменьше, положил сверху.

– Нодья готова. Ты сейчас кипяточку попей и ложись. – Открыв крышку чайника, он вместе с клюквой и боярышником стал бросать в него гроздья рябины. Потом достал из рюкзака добытую днём сойку, не ошпывая, наколол её на палку и стал поджаривать над огнём. Минут через пять разорвал обуглившуюся тушку птицы пополам. Одну половинку кинул Чёрту, который схватил её на лету и моментально проглотил.

– Смотри, Володь, на Чёрта. Он и не понял, что поужинал, – засмеялся Валерка.

Чёрт завилял хвостом, надеясь, что перепадёт что-то ещё.

– Ты свою пайку схавал. Хватит. Векша, иди ко мне! – позвал Валерка собаку.

Она подошла к хозяину, обнюхала сойку, аккуратно взяла её с руки и захрустела косточками. Съев, вопросительно посмотрела Валерке в глаза.

– Всё, хорошая, больше нет. Завтра я вдвоем с Чёртом нарты поташу, а тебя отпущу, чтобы белок поискала или глухаря. Вот тогда и наедемся.

Векша, словно поняв, о чём говорит хозяин, вильнула хвостом и отошла к лежавшему недалеко от огня Чёрту. Валерка разлил по кружкам кипяток. Напиток оказался горьким, вяжущим рот.

– Нормальный компот получился. А витаминов, витаминов сколько! Кстати, в сырой рябине их ещё больше. – Он подал Володьке горсть мороженных ягод.

– И кто только сказал, что рябина после мороза сладкой делается? – поморщился тот, жуя. – Накормить бы его сейчас этой ягодкой.

– Курить будешь? – спросил Валерка, доставая сигарету.

– Не хочу, боюсь, горлу от дыма только хуже станет.

Володька допил «компот», после чего снял валенки, бушлат, подложил их под голову и забрался в спальник.

– Нам главное – не сгореть, – сказал он. – Гляди, как пихта угольками стреляет.

Валерка долго не мог уснуть, всё прикидывал, сколько километров они прошли за сегодняшний день. Потом подбросил в костёр дров и, как и Володька, подложив под голову валенки и бушлат, забрался в спальник. Не успел закрыть глаза, как перед ним появилась продавщица тётя Груня, а за её спиной полки с горами сдобных белых булочек и топлёным молоком в железных банках, на которых были нарисованы упитанные коровы...

А потом ему приснилось, как Чёрт подходит к нему и прямо через спальник кусает его за ногу. Стало очень больно. Валерка тряс ногой, но Чёрт никак не размыкал челюсти.

Проснувшись, он увидел, что спальник дымится. Валерка одним махом выпрыгнул из спальника на снег, который зашипел от тлеющих носков. Схватив чайник, Валерка попытался залить мешок, но оказалось, что вода успела замерзнуть. Отбросив чайник, он стал втирать снег по краям образовавшейся в спальнике большой дыры. Вата продолжала тлеть, и её пришлось вытаскивать.

– Что случилось? – проснулся Володька. – Пожар?

– Пожар. От спальника всего лишь половина осталась. Теперь его в поселок тащить нет смысла. Разве что для отчёта...

Больше Валерка не спал, сидел у костра рядом с собаками.

– Как себя чувствуешь? – спросил он, разбудив приятеля перед самым рассветом.

– Идти смогу. Правда, усталость во всём теле чувствуется.

Попив рябинового кипятку, ребята стали собираться. Как Валерка и говорил, в нарты он впряг только Чёрта, а Векшу пустил вперед. Кобель, видя такую несправедливость, заартачился, отказываясь идти. Но, получив пару пинков, нехотя потащил нарты вместе с Валеркой.

Второй день пути оказался похож на первый. Шли, собирали рябину, когда просил Володька, останавливались. Единственным развлечением стала полайка Векши и меткий

выстрел, которым Валерка сбил с высокой пихты белку. Ближе к вечеру Валерка почувствовал, как навалилась усталость. Крича на Чёрта, что тот ленится тащить нарты, он понимал, что сказывается и бессонная ночь, и отсутствие еды. На ночлег остановились пораньше – когда Володьке стало совсем плохо и он уже просто не мог стоять на ногах.

На этот раз с дровами Валерка провозился значительно дольше. Рябиновый компот не лез в горло. Сварили последнюю крупу с тушкой белки. Половину солдатского котелка получившейся каши разделили на всех. Собакам дали чуть больше – им досталась часть белки, которую отказался есть Володька, сославшись на болезнь.

Этой ночью загорелся спальник Володьки. От попавших искр он стал тлеть сразу в нескольких местах, но Володька продолжал спать. Когда Валерка разбудил друга, у того уже начали прогорать брюки и свитер. Хорошо, что ожоги на теле оказались легкими.

– Отделался испугом, – говорил Валерка, смазывая остатками жира его ногу и грудь прямо через образовавшиеся в одежде дыры. – Теперь и твой спальник тащить нет смысла – остались от него только вход и выход.

– Как же теперь на морозе спать-то будем? – расстроился Володька.

Остаток ночи они провели у костра, постоянно подбрасывая в огонь сучья. С рассветом снова тронулись в путь и прошли довольно большое расстояние. Векша в поисках пищи умудрилась найти несколько мышей. Валерка и Володька довольствовались на ужин лишь мороженой рябиной. Даже Чёрт проглотил несколько ягод. Голод брал своё.

Ночь оказалась очень беспокойной. Ребята то и дело просыпались, мучимые холодом и голодом. Утром Валерка долго не мог разлепить глаза. В голове крутились воспоминания из прочитанных книг о том, как люди замерзали из-за невозможности двигаться. Наконец он резко потёр снегом лицо и встал на ноги. Еле-еле растолкал ещё спящего Володьку, для которого подъём тоже оказался настоящей мукой. Стоянку смогли покинуть только через час. Первые метры Валерка и кобель тащили нарты с огромным трудом. Затем стало не столько легче, сколько привычнее, и они шли и шли строго на север.

Векша залаяла на одинокую пихту ближе к вечеру, ясно давая понять, что где-то наверху затаился зверёк. Валерка с ружьём наготове не спеша подошёл к дереву, осматривая его от нижних сучьев до вершины. Обнаружив маленький темно-серый комочек и убедившись, что это белка, прицелился и выстрелил. Падая, белка зацепилась за самый нижний сучок, на какое-то время задержалась, и тут отвязавшийся и подбежавший на выстрел Чёрт подпрыгнул, сорвал зверька и проглотил в одно мгновение.

Выстрел, и Чёрт, завизжав, ткнулся мордой в снег. Попытался подняться, но второй выстрел успокоил его навсегда.

– Теперь и нам будет что поесть, – сказал Валерка, вновь перезаряжая ружьё.

Векша, видя, как Чёрт упал, поджала хвост и скрылась в лесу. Вернулась не сразу, а после долгих призывных криков Валерки. Подошла к мертвому кобелю, обнюхала его, лизнула кровь. Поняв, что случилось, сжалась всем телом в комок.

– Не бойся, милая, – попытался успокоить собаку Валерка. – Он всё равно бестолковый был. А нам на одной рябине до посёлка не дотянуть. И так еле ноги волочим.

– Что там у тебя за стрельба была? – спросил Володька, когда тот вернулся к нартам. – Почему собака визжала?

– Смотри, какого зверя застрелил! – сказал Валерка, кладя перед ним мёртвого Чёрта. – Сейчас обдерём его и поедим горячего.

– За что ты его? – вздохнул Володька. – Он хоть и балбес был, но вроде как привыкли.

– Достал он меня. Я белку подстрелил, а он сожрал. Ну я его в горячке и приговорил. Зато хоть объединимся. Чертячье мясо оно полезное...

– Как теперь один будешь нарты тащить?

– А что их переть? Возьмём пушнину, оружие и мясо. Остальное бросим, а за убытки заплатим кому следует.

Пока Валерка рубил дрова, жерди для нар и лапник, Володька разделявал застреленную собаку. Вскоре собачье мясо лежало на снегу. Остальное Валерка отнёс подальше в лес и закопал в большом муравейнике.

– Похоронил останки Чёрта, мир его праху, – сказал он, вернувшись. – Выручил он нас. Давай варить.

Валерка порубил топором приличный кусок мяса и покидал его в котелок с растопленным снегом. Затем наполнил снегом чайник и тоже подвесил его над костром.

– Ты, Володь, не помнишь, кто покойному такую кличку дал – Чёрт?

– Как не помню! Мужик, который нам его перед началом промысла за бутылку приволок. Он тогда всё приговаривал: «У, чёрт, хорошая собака. Еле поймал чертяку. А здоровый-то, прямо как чёрт!» Вот так и пошло: Чёрт и Чёрт.

– Я тоже вспомнил. Мужик тот его, наверное, на первой помойке поймал. Вот нам перед промыслом и впарил. – Валерка проткнул ножом кусочек мяса, вытащил из котелка, подождал, пока остынет, попробовал: – Готово! Ешь, Володь, а горячим бульоном запивай, не стесняйся!

– Я не стесняюсь. Лучше скажи, будет ли твоя Векша это мясо есть?

Он взял небольшой кусочек мяса и стал звать лежавшую неподалёку собаку. Векша подняла голову, но подходить не стала и, отвернувшись, уткнулась мордой в свой пушистый хвост.

– Я так и знал, что есть не будет, хоть и голодная, – сказал Володька. – Видно, собаки не каннибалы.

Наевшись горячего мяса и запив его несколькими кружками рябинового компота, оба улеглись поближе к костру и вскоре уснули. Мороз перевалил за двадцать градусов. Небо вывездило, показалась луна. Разбудил ребят жуткий вой.

– Что случилось? Откуда волки? – запаниковали они спросонок.

– Да нет, это не волки, – наконец успокоился Володька. – Наверное, Векша выла от тоски.

– Где же она? Векша, Векша, иди ко мне! – стал звать собаку Валерка.

Через пару минут она медленно, с опущенным к земле хвостом и прижатými ушами подошла к хозяину и ткнулась холодным носом ему в руку.

– Успокойся, хорошая, успокойся, – погладил её Валерка.

– Это она по Чёрту воет, – сказал Володька. – Боюсь, теперь нам спать не даст.

Он оказался прав. Как только глаза ребят закрывались, Векша начинала жалобно выть. Так продолжаюсь до самого рассвета. Утром Володька с огромным трудом напялил на плечи рюкзак с пушниной и еле встал на ноги.

– Слабость такая, что хочется лечь вот тут и уснуть, – сказал он.

– Если уснём, сразу замёрзнем, – возразил Валерка, убирая в свой рюкзак оставшееся мясо. – Идти нужно. Еще пару дней – и мы у цели.

Следующие два дня ребята шли словно в тумане. Во время ночёвок вновь загоралась их одежда, и они вновь её тушили. Векша более-менее успокоилась и выть перестала. Днём всё своё внимание она обращала на ловлю мышей и поиск белок. Но удалось поймать лишь одну мышшь и облаять пару белок, одну из которых застрелил хозяин, а вторая затаилась, и обнаружить её Валерка так и не смог. Векша, продолжая лаять, еще долго сидела под деревом, надеясь, что хозяин вернётся, но потом понуро побежала догонять ушедших людей.

Володька шёл на одних нервах, стараясь не отставать от товарища. Но это получалось плохо. Валерке постоянно приходилось останавливаться и ждать его. Он давно забрал у большого ружья и рюкзак с пушниной, а теперь прикидывал, что на следующий день придётся тащить и самого Володьку. Перед очередным ночлегом сварили остатки мяса, но есть его Володька отказался.

– Не хочу я есть и не могу, – сказал он. – Лучше посплю, а то меня знобит что-то.

– Обязательно надо есть, – убеждал друга Валерка. – Если не поешь, завтра идти не сможешь. А я тебя до посёлка не дотащу. Так что давай глотай через силу. А в посёлке я тебя булочками откармливать буду и молоком отпаивать.

Ночью было очень холодно. Костёр не грел, и Валерка спал, обняв Векшу, чтобы было хоть чуть-чуть теплее. И всё равно последние часы перед рассветом, когда мороз усилился, приходилось, отогнав сон, постоянно подбрасывать ветки в слабый костерок.

– Если сегодня до посёлка не дойдем, хана нам, – сказал утром Володька.

– Постараемся дойти, – бодрился Валерка. – Знаешь, что мне в голову пришло? Я вместо своей дипломной работы «Биология и промысел белки на примере госпромхоза» напишу другую – «Техника выживания студентов-охотоведов в период преддипломной практики в угольях промысловых хозяйств». Звучит?

– Давай сначала до конторы этого государственного промыслового хозяйства доберёмся, – улыбнулся Володька. – Ты лучше на себя посмотри: лицо от грязи чёрное, борода подпалена, бушлат прогорел, вместо рукавичек на руках носки...

– А сам-то лучше? Придём в контору – отмоемся.

Через час, переходя по упавшему дереву небольшой ручей, Володька сорвался, упал и, пробив тонкий лёд, провалился по пояс в воду. Валерка кое-как вытащил его на берег.

– Раздевайся, снимай валенки, штаны! – кричал он, принимаясь рубить сухие сучья с деревьев. – Доставай у меня из рюкзака запасные носки и брюки. Но сначала сухой портянкой ноги разотри. Быстрее, быстрее!

Володька в точности выполнил всё, что требовал приятель. Теперь необходимо было высушить валенки у разгоревшегося костра. Но тут ему послышался далекий лай собак.

– Тихо! – сказал он подошедшему Валерке. – Вроде бы где-то собаки лают.

Валерка прислушался и, не говоря ни слова, начал карабкаться вверх по склону оврага, проваливаясь по колено в снег и цепляясь за редкие кусты. Через минуту он был наверху, а еще через минуту скатился обратно вниз.

– Володя, наш посёлок! – крикнул он. – Сразу за леском. Пройти совсем ерунда осталась. Эх, знать бы, что он так близко, и ночевать бы в лесу не надо было. Не поверишь, но я, кажется, даже магазин видел, где тётя Груня работает!

– В таком случае, как договаривались, в контору после пойдём, а сначала в магазин за молоком и булочками, – сказал Володька, торопливо натягивая на ноги мокрые валенки...

Открытую дверь магазина первой прошмыгнула Векша. За ней Валерка с Володькой. Сдобные белые булочки и топлёное молоко в железных банках стояли на полках. От увиденного у Володьки закружилась голова, и он прислонился спиной к стене.

– Тётя Грунь, – сказал Валерка, – нам, пожалуйста, три булочки и три банки молока. Пожалуйста.

– А деньги у вас есть? – недоверчиво спросила продавщица.

– Нет. К сожалению, нет. Но мы отдадим, поверьте. Завтра всё до копейки отдадим.

– Без денег не могу товар отпустить, – отрезала тётя Груня.

– Вы нас не помните? – чуть не расплакался от обиды Валерка. – Мы студенты. Осенью у вас отоваривались перед заброской в тайгу. Еще помогали машину с дровами для магазина разгружать. Нас забыли из тайги вывезти, вот мы сами и пришли. Володька болеет. Пока к вам шли, только о булочках и думали. Мы заплатим, вы не волнуйтесь. Вот и пушнина у нас есть. – Дрожавшими руками он стал выкладывать из рюкзака на прилавок добытых куниц.

– Ребята? Так это вы? – Лицо продавщицы смягчилось. – Не узнала – богатыми будете. Да вы и на себя-то сейчас не похожи. А я, глядя на вас, сначала подумала, что в посёлке бомжи появились. Конечно, конечно, берите! – И она торопливо сняла с полок три банки молока и три булочки.

– Спасибо большое, – обрадовался Валерка. Он достал нож и пробил в крышке одной из банок две дырки.

На полу стояло пустое блюдо, из которого питался живущий в магазине кот. Туда Валерка и вылил содержимое банки. Потом искрошил туда же одну из булочек. Векша терпеливо наблюдала за его действиями и только после команды хозяина приступила к еде.

Пробив дырки в оставшихся банках, Валерка вместе с булочкой отдал одну Володьке, вторую бережно поднёс к своим губам. Набрав в рот топлёного молока, немного подождав и испытав огромное наслаждение, сделал глоток. Отщипывая от булочки маленькие куски, стал есть, запивая их молоком. Тётя Груня молча следила за ним и за Володькой.

– Может, ещё по булочке и по молоку? – спросила она и, не дожидаясь ответа, выложила на прилавок «добавку».

– Давайте! – не раздумывая, согласился Валерка и стал распахивать всё по карманам. – Мы сейчас в госпромхоз. Пушкину сдадим и сразу деньги занесём.

Директор госпромхоза был в своём кабинете. Валерка, аккуратно постучав в дверь, зашёл к нему, таща за собой Володьку, который еле держался на ногах.

– Вот и мы, товарищ директор. Возвращаемся с преддипломной практики...

– Ребята! Живые? – от удивления директор раскрыл рот.

– Врезать бы вам! – Валерка сжал кулаки. – Но не сейчас... Вот отъемся немного, может, и врежу!

– Будете так себя вести, я вам плохие характеристики в институт напишу, – сказал директор, нервно перебирая лежащие на столе бумаги.

– Дайте машину. Володьку надо до больницы довести, – грозно сказал Валерка. – А свою характеристику сверните трубочкой и засуньте себе... Так лучше будет!

– Конечно, отвезём, – сразу засуетился директор. – Я сейчас же сам его в больницу доставлю. Ну а ты отдыхай, отдыхай! Я ведь за вас отвечаю.

Директор выскочил из кабинета, и через несколько минут Володьку увезли, а Валерка так и заснул на диване в директорском кабинете.

Утром, с трудом разбудив практиканта, директор стал оправдываться:

– Валер, ты пока приводи себя в порядок, а я уже баньку истопил. Жена стол накрывает. Помоешься, переоденешься во всё чистое. Володька-то простудился сильно, но врачи обещали через неделю его на ноги поставить. А сейчас пошли ко мне. Ты только не обижайся. Я ведь летал к вам на участок два дня назад. В избе вас нет, следов нет. Сделали облёт – не нашли вас. Что было делать? – Директор вздохнул. – Не поверишь – все эти дни не спал, думал, что погибли мои практиканты. Хорошо, что в институт не успел сообщить. А что было бы, если бы телеграмма о вашей гибели в деканат ушла? Представить страшно!

В бане Валерка сидел несколько часов. Никак не мог прогреться. Помывшись, заложил в печь всю свою грязную одежду, которая горела, словно пропитанная бензином. Чистое бельё приятно облегло тело.

– Помылся? Пошли! – Директор позвал Валерку в дом. Усадил за стол, достал бутылку водки, разлил по стаканам. – Давай выпьем за ваше возвращение!

Валерка, молча чокнувшись с директором и его женой, выпил. Голова сразу закружилась, телу стало тепло.

– Ты ешь, ешь! – подбадривал директор. – Когда в последний раз сытно ел?

– Давно. Вы собаку мою покормите, пожалуйста, тоже голодная.

– Сейчас, сейчас покормим. Не волнуйся! – Директор вместе с женой вышли во двор, где сидела привязанная Векша.

Валерка стал медленно накладывать в свою тарелку еду со всех стоящих на столе блюд. Начал есть, но через минуту у него сильно разболелся живот.

– Ты что не ешь, не вкусно? – удивился вернувшийся за стол директор.

– Вкусно. Готов всё съесть, но вот не могу. Вы меня извините, я лучше пойду. Мне ещё к Володьке в больницу заглянуть надо.

– Ну хорошо, иди, – сказал директор, а Валерка, улучив момент, когда тот отвернулся, быстро сунул себе в карман пару бутербродов и приличный кусок недоеденного мяса...

Целую неделю Валерка собирал в госпромхозе необходимые ему и Володьке материалы для дипломных работ. Сидел в конторе, писал, чертил графики. Каждый день ходил в больницу навешать больного друга. Приносил ему купленные в магазине продукты. Чаще всего это почему-то были белые сдобные булочки и топлёное молоко в консервных банках. Володька поправлялся быстро...

В поезде ребята весело смеялись, вспоминая своё возвращение из тайги, но только каждый раз во время еды они почему-то машинально рассовывали по карманам продукты.

– Валерка, ты не знаешь, зачем мы так поступаем? – однажды поинтересовался Володька.

– Не знаю, – сказал тот и, немного подумав, добавил: – С поездом ведь тоже всякое может случиться...

Охотничьи инспектора

В годы моей учёбы в Кировском сельхозинституте действовала одна из самых авторитетных студенческих дружин по охране природы. Она носила имя Виктора Волошина – студента-охотоведа, отдавшего свою жизнь в борьбе с браконьерством.

Многие студенты, поступив учиться на факультет охотоведения, вступали в ряды дружинников, становясь общественными охотничьими инспекторами. Будничные выезды на инспектирование в леса и на реки Кировской области, составление протоколов на нарушителей правил охоты или рыбной ловли – всё это давно позади. Много стёрлось из памяти, но кое-что и запомнилось.

Собрание волошинцев, на котором принимали в дружину студентов-первокурсников, закончилось поздно вечером. Ребятам объяснили их права и обязанности и вручили по именному удостоверению с их фотографиями внутри красных корочек. Имея такое удостоверение, они могли на вполне законных основаниях охранять природу родного края «от алчности бездонного кармана». Правда, всем сообщили, что приняли их пока только с испытательным сроком. И если в ближайшем будущем они не будут активно работать, то их могут исключить из рядов дружинников-волошинцев.

Выйдя из красного уголка, где проходило собрание, Серёга ещё раз прочёл свою фамилию на только что полученном удостоверении. Усмехнулся лицу на фотографии. Закрыв корочку и убрал в карман брюк.

– Ну, Мишка, как ты считаешь, ксивы обмыть бы не мешало?

– Я только за. Плохо, что народ может увидеть, что пьём, и настучит в деканат. Неприятности могут быть. Да и с деньгами сейчас туговато. Степуху, сам знаешь, мы не получаем. Экзамены в зимнюю сессию нужно было без троек сдавать.

Беседуя, ребята шли по коридору общежития.

– Серёга, а лучше ну её, пьянку! Я вот что придумал. Через неделю весенняя охота начинается. Рванём на природу, наловим браконьеров. Протоколов на них напишем. Премииальных огребём немерено. Слышал, что начальник сказал? Всем, составившим протоколы на нарушителей, положены премиальные. Вот тогда погуляем. Что думаешь?

– Мишаня, ты, как всегда, прав. Но только ты уверен, что мы наловим этих самых браконьеров? Ещё и много. Где их взять в нужном для нас количестве в вятской тайге? По лесам здесь иногда целый день проходишь и ни одного человека не встретишь.

Они вошли в комнату.

– Ерунда! – Мишка достал из своей тумбочки окурки, заботливо спрятанный «на потом», после того как сигарета была затушена об угол этой самой тумбочки. Чиркнул спичкой и затянулся едким дымом «Примы». – Как говорится, свинья везде грязь найдёт. С такими удостоверениями, как у нас, мы теперь до любого столба докопаться сможем и составить на него протокол о нарушении правил охоты или рыбной ловли. Ты, Серёжа, просто никогда не думал этим заниматься, теперь же будет в самый раз. Пусть дрожат местные вятские охотники. – Мишка улыбнулся и продолжил: – Сразу в передовики выйдем. Только уговор. Никому из ребят о нашей идее ни слова. А то им тоже захочется лёгких денег.

– Согласен с тобой на все сто процентов. И с пьянкой лучше подождать, а то залетим и на весновку нас декан не пустит. Оставшуюся до охоты неделю нужно не попадаться.

Он взял у Мишки недокуренную сигарету и пару раз глубоко затянулся, пока окурки не обжёт пальцы. Серёга незлобно выругался и бросил в пепельницу всё, что осталось от сигареты. Обожжёнными пальцами взялся за мочку уха.

– Пошли, братан, по общаге пошатаемся, всё равно сейчас делать нечего. Спать в такую рань не хочется. А повезёт, и поедем у кого-нибудь...

Жизнь в общежитии в это время «била ключом». Всё было как всегда: кто-то спал на своей кровати, а кто-то на чужой; кто-то пил чай с сахаром, а кто-то без сахара; кто-то курил, а кто-то ждал, что оставят покурить; кто-то мечтал...

– Серёга, вот ты чем заниматься будешь после окончания института? – спросил Серёжку один из его сокурсников.

– Я чем? – Серега посмотрел на парня. – Как чем? Глупый вопрос. Охотоведем работать собираюсь.

– Это и ежу понятно, что охотоведем. Все мы, здесь сидящие, хотим после института по специальности устроиться. За тем и поступали. Я тебя немного о другом спрашиваю. Жить-то на что будешь? Где деньги брать? Зарплата у охотоведа копеечная. Читал небось, что царь Пётр I про нас говорил: «Одеть их во всё казённое, а оклад им положить маленький, ибо должность у них воровская». Что воровать станешь?

– Отстань, Сашка, – усмехнулся Серега. – Я пока не думал, как после института жить буду. Этот самый институт ещё окончить надо. Сейчас бы подзаработать. Мы с Мишкой прикинули. Хотели на весенней охоте...

Мишка перебил товарища:

– Мы хотели поехать птиц на чучела пострелять. В охотничий магазин недавно зашли, так там чучело весеннего крякового селезня целое состояние стоит. А чучело токующего тетерева – целая наша стипендия. Вот мы и собираемся в лес поехать и настрелять воз тетеревов, вальдшнепов и селезней. В общаге наделаем из них воз чучел, как-никак курс таксидермии мы прослушали. Сдадим все изделия в магазин и получим воз денег.

Мишка торжественно оглядел всех, прикидывая, понравилась ребятам его идея или нет. Ответил за всех Сашка:

– Хорошо, конечно. Но это всё временное явление. Добудете вы этих птиц, а может, ещё и не добудете. Это большой вопрос. Тут бабка надвое сказала. А я вот думаю, что лучше всего всем нам после окончания института пчёлки развести. Буду я, например, на крылечке у домика своего сидеть, а пчёлки пусть себе вокруг летают. Чего им мешать? Пусть работают. «Ж-ж-ж» – раз копейка. «Ж-ж-ж» – раз и ещё копейка. – Сашка замахал руками, показывая, как пролетают мимо него пчелы.

– Раз – и пчелиная болезнь – варратоз. Все твои пчёлки подошли!

– Тогда, к примеру, можно кроликов развести. Я и над этим думал. Вырыть в саду большую яму. Посадить в неё с десятков крольчих и пару кролей. Пусть себе любят друг друга. Кто из вас знает, сколько у кроликов в год помётов? – Сашка замолчал, ожидая ответа на вопрос.

– Кажется, что-то около шести или восьми, а может, и более.

– А крольчат сколько рождается?

– По шесть или девять. Иногда доходит и до четырнадцати.

– Мы берём по четырнадцать, и если мне не изменяет память, то крольчихи уже в четыре месяца достигают половой зрелости.

– А затраты на содержание? – спросил Мишка.

– Минимальные, – не задумываясь, ответил Сашка. – Всего один кочан капусты и буханка хлеба в день.

После своих слов Сашка задумался, уставившись в одну точку. В его голове шли сложные математические расчёты, проведя которые он должен был вывести для ребят одну цифру чистой прибыли. В комнате на это время установилась тишина. Тут открылась дверь, и в комнату вошло ещё несколько студентов с их курса.

– Чего притихли?

– Не мешайте. Сашка деньги от разведения кроликов подсчитывает. Как-никак кролиководство – дело доступное не только жителям села или рабочего посёлка, но и всем будущим охотоведам. – Ребята засмеялись.

– Чего смешного? – обиделся Сашка. – Даже очень неплохо получается. Цифру прибыли, правда, я до конца не подсчитал. Эти оболтусы помешали. – Он кивнул на вновь пришедших. – Врываются в комнату, орут! Чего вам нужно? Тут хорошие люди делом занимаются, решают для народа экономические проблемы. А вы...

– Что мы? Просто хотели увиденным поделиться. Сегодня в кинотеатре кино смотрели про американских полицейских. Всем советуем сходить, кто ещё не смотрел. Главное в фильме то, что там много хорошего можно почерпнуть для нашей будущей охотоведческой работы. Например, как толпу народа резиновыми пулями разгоняют. Вот бы и нам такие пульки на «бреках» попробовать. Сопrotивляется браконьер, а мы ему – бац! – по животу резинкой. И человек живой, и сопротивление сломлено. Ну как?

Все, кто был в комнате, одобрительно загалдели. И уже через минуту, полностью забыв о пчеловодстве и кролиководстве, парни обсуждали, из чего можно изготовить такие резиновые пули под калибр охотничьих ружей. А также применение на практике таких нужных, по их мнению, спецсредств не только в Кировской области, но и по всей стране. Разошлись студенты далеко за полночь...

Последняя неделя перед открытием весенней охоты пролетела незаметно. Прошла в делах, учёбе, заботах по сбору в лес. Студенты бегали по магазинам, закупая на последние деньги всё необходимое для их будущей лесной жизни. Им предстояло провести по нескольку дней у костра. Весенние дни, а особенно ночи, все ещё были очень холодные. В первую очередь ребята покупали продукты, конечно, всё по минимуму. Затем гильзы, порох, дробь, пыжи. Позволить себе купить снаряженные патроны могли немногие.

А собравшись и отпросившись в деканате, студенты стали разъезжаться по районам области. Общежитие опустело практически на весь сезон весенней охоты. Жить там остались только его отдельные обитатели, но таких были единицы.

На железнодорожном вокзале к Серёге и Мишке подошёл их сокурсник Юрка и, хитро улыбнувшись, прошептал:

– Вот, смотрите, зарядил несколько пуль. Руки так и чешутся опробовать.

– Дай одну! – Мишка потянулся к Юркиному патронташу.

– Дай будет при коммунизме, – оттолкнул тот руку. – Сами могли сделать. Лен? Всё, мне тут трепаться с вами некогда. Мы с ребятами едем на север.

Он резко повернулся и побежал к поезду, который с минуты на минуту должен был отправиться.

– Дан приказ ему на север, нам в другую сторону. Так, кажется, в песне поётся? – произнёс Серёга.

– Дан приказ ему на запад, – поправил Мишка.

– А нам нужно на восток. – Сергей поднял с земли объёмный рюкзак и забросил за плечи. – Пошли, друг. Скоро и наш поезд.

Через несколько часов ребята вышли на нужной станции. Подождав, когда отъедет поезд, перешли железную дорогу и направились к видневшемуся невдалеке лесу. Ночевать остановились на берегу ручья, текущего по краю лесной опушки. Летом ручей пересыхал, но весной, когда земля перенасыщалась влагой от тающего снега и воду в себя больше не принимала, ручей становился весьма полноводным. От этого течение усиливалось, и вода с шумом текла по руслу, превращая ручей в небольшую речку с относительно чистой водой.

– Здесь и заночуем. – Мишка скинул рюкзак и присел на пенёк. – Серёга, как хорошо, что мы из города на природу вырвались!

– Конечно, хорошо. А если ещё и весновку проведём, как задумали, вообще отлично будет.

Сергей достал топор и стал рубить для костра мелкие сухие сучья. Вскоре огонь горел. Провозившись с приготовлением ночлега ещё с час, ребята наконец уселись ужинать на свежее

нарубленный лапник, разложенный толстым слоем с двух сторон от костра. Темнело. Они слышали, как, хоркая, пролетел вальдшнеп. Пару раз было слышно, как вдали гоготали дикие гуси, летя по известному только им маршруту. Кряковый селезень прошваркал в полной темноте.

– Сейчас бы грохнуть кого-нибудь из птиц на шурпу. А то ужинаем чаем и сухарями. – Мишка покрутил головой, всматриваясь в чистое звёздное небо.

– Нельзя, Миш. Мы теперь охотничьи инспектора, а открытие охоты только завтра. Будет день, и будет пища. Давай-ка спать.

Сергей допил чай. Разложил на лапнике спальник, снял сапоги и телогрейку и, как был в свитере и брюках, полез внутрь мешка. Через минуту усталость взяла своё, и он засопел. Мишка ещё долго лежал у костра и слушал звуки весенней ночи.

Выбираться утром из тёплых спальных мешков ребятам не хотелось. Костёр давно догорел, а от ручья и снега в лесу тянуло холодом. В конце апреля до настоящего тепла ещё ой как далеко. Сергей и Мишка проснулись, лежали и слушали, как за лесом «булькали», токуя, тетерева.

– Слышишь, токуют! – Мишка чуть высунулся из спальника.

– Слышу, – буркнул Серёга, – не спят птички.

– Весна. Хочешь, не хочешь, а токовать нужно. Природа своё возьмёт, – философски изрёк Мишка. – И нам подниматься пора.

– Что, тоже природа?

– Конечно. Давно встать хочу. В спальник же не будешь по нужде ходить. – Мишка выбрался наружу и стал натягивать сапоги.

– А я ещё посплю, меня природа не беспокоит. Вот когда ты костёр разложишь, тогда и мне вставать.

– Чёрт с тобой, лежи.

Мишка оделся и пошёл к ручью. Умывшись и распалив костёр, собрал ружьё. Скоро закипела вода в котелке.

– Чай готов. – Сняв с огня котелок, Мишка насыпал в кипящую воду заварку. – Завтракать вставай, – обратился он к Сергею. – А то браконьеры по домам разойдутся. Солнце уже высоко.

– Не разойдутся. Откуда им тут взяться?

И как бы с ним споря, в верховьях ручья прогремел выстрел.

– Ну что, я не прав? – Мишка прислушался. Раздался второй выстрел. – Выстрел там же, где и первый. Вот тебе и браконьеры.

– Это ещё нужно уточнить, кто там палит. – Сергей вылез из спальника и стал быстро одеваться.

– Что, даже чая не попьёшь? – Мишка отхлёбывал горячий чай из кружки и хрустел сухарём.

– Почему? Сначала поедим, а потом пойдём туда, где стреляют. Наливай.

Ещё один выстрел прозвучал, когда ребята заканчивали завтракать.

– Хватит дурака валять. Собираемся. – Мишка стал убирать вещи в рюкзак, костёр залил остатками чая. Через минуту охотоведы двинулись вверх по ручью в сторону выстрелов.

Охотник стоял на поляне. Что это один из местных мужиков, ребята определили сразу. Одет он был в засаленную и рваную во многих местах телогрейку, заляпанную грязью штаны и короткие кирзовые сапоги. Его одностволка в области приклада была перетянута медной проволокой, а цевьё крепилось к стволу изолентой. Убитый им рябчик, охота на которых весной запрещена, болтался, прицепленный за лапки бельевой верёвкой, на поясе охотника. Мужик улыбался.

– Вот тебе и самый настоящий браконьер! А ты говорил... Тут, видно, весь лес кишит нарушителями правил охоты. Сейчас его оформим, и премия наша. – Мишка потёр ладони.

– Ну что, мужик? Рябчика грохнул? Весной охота на таких птичек запрещена законом. Как тебе не стыдно! – Ребята подошли к охотнику. Тот не делал никаких попыток сопротивляться или убежать.

– Здорово, дядя! – обратился к нему Серёга. – Браконьерствуешь! Давай-ка лучше свои документы.

– Здра... здра... здра... – Открывая и закрывая рот, мужик пытался говорить. Ребята уставились на него.

– Притворяешься?

– Здра... здра... здра... – Мужик тряс головой, выговаривая слово.

Ребята переглянулись.

– Миш, ну его к чёрту! Намучаемся мы с ним с таким красноречием.

– Здра... здра... – повторял и повторял охотник.

– Ты прав, братан. Пойдём. – Мишка махнул рукой.

– Здравствуйте, – наконец-то выговорил мужик, когда ребята отошли от него метров на пятьдесят. Они остановились и обернулись.

– Во вятич даёт! Всё-таки родил своё «здравствуйте». Может, хоть рябчика у него отнимем? А, Михаил? – Сергей сделал шаг обратно к охотнику.

– Ррре... ррре... – затряс головой мужик.

– Пошли. – Мишка повернулся и зашагал дальше.

Через полчаса опять прозвучал выстрел, примерно там, где остался охотник.

– Гад! Стреляет опять по рябчикам, – плюнул Сергей.

– Пусть охотится. Судя по его виду, у него одна радость в жизни и осталась...

– Что делать будем? Инспектировать?

– Как получится. Пойдём пока по угожьям пошатаемся. Мы же ещё и на охоту приехали. Зря, что ли, путёвки брали! Помнишь идею про чучела? Попробуем её в жизнь воплотить. – Мишка зарядил ружьё.

Грузный кряковый селезень, одетый в брачный весенний наряд, с шумом поднялся из-под нависшей над водой ивы. Первый выстрел Мишки пришёлся по веткам. Порубанные дробью, они полетели в разные стороны. После второго выстрела шея селезня подломилась, и он упал.

– Вот и первое чучело! – крикнул Мишка.

– А я и выстрелить не успел. – Сергей снял с плеч порядком надоевший ему рюкзак и сел на землю. Закурил.

– Чего сидишь?

– Чего, чего! Твой трофей, Михаил. Ты и ищи. Мне как-то неудобно вперёд стрелка лезть.

– Ишь, какой правильный. – Мишка полез в кусты, долго трещал там ветками и чертылся. Наконец закричал: – Нашёл! – Он прикинул вес селезня, держа его за зелёно-оливковый клюв. – Примерно килограмма два будет.

– Дай мне! – Сергей взял в руку оранжевые лапы птицы, несколько раз поднял и опустил перед собой. – Ты прав, дружище, где-то около двух килограммов. Хорошо, чтобы ещё и вкусный был. А то голодное общажное детство вон как на нас сказывается! – Он похлопал себя ладонью по животу.

– Вечером попробуем на вкус! – Мишка аккуратно, чтобы не помять перья, положил птицу в рюкзак.

До вечера ребята проходили по лесу и не встретили больше ни одного человека. Выстрелов тоже не было слышно. Расположившись лагерем и заготовив дров, сняли с селезня шкурку, присыпали её солью. А когда поели приготовленную на костре утиную похлёбку, разошлись от лагеря в разные стороны искать места для предстоящей вальдшнепиной тяги.

Вальдшнепы в этот вечер тянули активно. Но то ли ребята неправильно определились с выбором мест, то ли переволновались, увидев в небе первых птиц, или охотничьего опыта у

них ещё было маловато, только стрельба по вальдшнепам была практически безрезультатной. Лишь к концу тяги, уже в полных сумерках, Сергеем всё же удалось сбить одного куличка. После выстрела птица упала к его ногам. Он нагнулся и поднял вальдшнепа.

– Хорошо, что под ноги свалился, а то в темноте и не найти. Интересно, что там у Мишки?

Включив фонарик, он не спеша двинулся к лагерю. Костёр ярко горел, освещая небольшое пространство вокруг. Мишка разогревал остатки утиной похлёбки.

– Привет, дружище! – поприветствовал он Сергея. – Как охота?

– Взял одного. – Сергей показал добытого вальдшнепа. – А ты?

Мишка хитро улыбнулся:

– После моих выстрелов все помирать улетели. Одного вроде зацепил покрепче. Но и он за деревьями скрылся.

– Что же ты, Миш, так жидко...

– Понимаешь, друг, промысловики они влёт не стреляют.

Мишка взял у Сергея вальдшнепа и принялся его рассматривать.

– Тоже по-своему птица красивая. Глянь, клюв какой. Длинный-длинный. А глаза большие-большие. Обдирай трофей, Серёга. Вроде не разбит и на чучело пойдёт.

– В темноте? А может, завтра?

– Неужели не знаешь? Не нужно откладывать на завтра то, что можно сделать сегодня.

– А можно после чая?

– После чая? – Мишка смотрел на костёр. Вода в котелке закипала. – После чая, я думаю, можно. Тем более вода уже кипит.

Спать легли поздно. На рассвете их опять разбудило тетеревиное токование. Не так далеко, в редколесье, несколько косачей слетелись на токовище. Их голоса, очень похожие на голубиное воркование, в тихую погоду были слышны за несколько километров.

– Вот тетерева дают! – Мишка выбрался из спального мешка и сел на него. – Серёга, слышишь, что делают? Знал бы, что тут ток, вчера шалаш бы построил.

– Ага, шалаш. Так они тебе у него и будут токовать! Тетерева не такие дураки, как ты думаешь. Им к шалашу привыкнуть нужно. – Сергей лежат на спальнике и курил.

– Может, попытаться с подхода по ним разочек грохнуть.

– Брось, Миш, пусть живут. – Сергей не успел договорить, как в лесу раздались выстрелы.

– Давай туда, где пальба. За премией! – крикнул Мишка.

На сборы ушло всего несколько минут. Перепрыгивая через поваленные деревья, они бежали в том направлении, где стреляли. Наконец показалась узкоколейка.

– Скорее всего, шли по железке и стреляли.

Сергей полез по насыпи на рельсы. Мишка за ним. Остановились, чтобы осмотреться. Полотно железной дороги хорошо просматривалось только в одну сторону. В другом направлении дорога делала резкий поворот и скрывалась за деревьями.

– Нужно пойти и посмотреть, что там, за поворотом.

– Стой. Давай хоть минуту отдышимся! – Сергей снял рюкзак, ружьё и уселся на рельсы.

– Ладно, ты отдыхай, а я всё-таки схожу, – сжалился Мишка. Он положил рядом с ним свой рюкзак и ружьё. – Я скоро.

– И чего этот дурак ружьё не взял? А вдруг на «бреков» нарвётся? Одному же не справиться.

Сергей поднялся на ноги, посмотрел на вещи, прикидывая, как всё это тащить. С минуту раздумывал, потом махнул на всё рукой, взял своё ружьё, остальное оставил лежать на шпалах. Пошёл догонять Михаила.

– Ну, чего?

– Ни следов, ни выстрелов, ни гильз. Наверное, в другую сторону ушли. – Мишка смотрел на товарища. – А вещи где?

– Там, на дороге. Что им будет! Не тащить же всё на себе. Говори лучше, что нам делать?
– Пошли назад. Другую сторону дороги проверим. Может, ещё успеем кого-нибудь поймать.

Громкий гудок они услышали, не доходя до поворота.

– Что это? – Мишка удивлённо смотрел на Сергея.

– Кажется, паровоз. С рельсов сойти нужно, а то задавит. – Сергей сделал несколько шагов в сторону.

– Кого задавит? Тебя? Да он же сейчас по нашим рюкзакам едет! – Мишка смотрел на показавшийся впереди поезд, тащивший за собой несколько вагонов.

Они кинулись к вещам. Мишкино ружьё со сломанным прикладом валялось рядом с его раздавленным рюкзаком и с абсолютно целым рюкзаком Сергея. Тот наклонился и поднял ружьё.

– Стволы целые. Повезло. А дерево ерунда. Думаю, что можно будет отремонтировать.

– Думает он! Думать нужно было, когда уходил! – злобно кричал Мишка.

– Я же помочь хотел, – обиделся Сергей.

– Он ещё и обижается. – Мишка выругался, и ребята ещё с полчаса ругались и матерились друг на друга.

Затем понемногу успокоились.

– Ладно, с кем не бывает. Это и есть жизнь. А ремонт ружья – пополам. Не отремонтируют, я тебе своё отдам. – Сергей примирительно похлопал Мишку по плечу.

Тот улыбнулся. Молодость! Она отходчива и бесшабашна.

– Вот только пацаны над нами в общаге ржать станут. По-моему, такого ещё ни с кем не было. – Теперь Мишка смеялся.

Смеялся и Серёга, крутя в руке раздавленный поездом котелок. Насмеявшись вдоволь, они приняли решение возвращаться в общежитие. Вечером уже были в городе...

Первым к ним в комнату вошёл Сашка. Поставил рюкзак посреди комнаты, зачехлённое ружьё положил на кровать. Сел, достал сигарету и, не спрашивая у ребят разрешения, закурил. А сделав пару глубоких затяжек, сказал:

– Рассказывайте, как ваше инспектирование прошло. Или охотились?

Друзья переглянулись.

– А что рассказывать, – замялся Мишка. – Нормально всё. Ни одного составленного протокола. Из дичи добыты селезень и вальдшнеп. Чучела будем делать.

Сашка заметил на столе сломанное ружьё:

– А это что?

– Ружьё!

– А с ним что случилось? У него вид, будто оно под поездом побывало.

Глаза ребят расширились.

– Ты как узнал?

– Никак. Просто сказал. А что, правда?

– Правда! – И Мишка рассказал, что с ними произошло.

После его рассказа Сашка выдержал необходимую паузу, чтобы осмыслить услышанное, произнёс:

– Ну, вы оба даёте!

– Кому сейчас легко! – вздохнул Мишка и спросил: – А у тебя как?

– Как и у вас. Лазил я по лесу, лазил. Ни людей тебе, ни зверей. Из продуктов с собой только соль и сигареты. Наконец через пару дней охоты увидел белку. Шлепнул её, бедолагу. Не помирать же с голоду. Потом добыл горностаю. Варил его, варил, есть всё равно не смог – вонючий, зараза. А вчера иду, слышу – собаки лают. Смотрю, а это местные мужики зайчих

беременных по озимым с гончей гоняют. Всё у них по-взрослому, у одного даже рог охотничий на груди висит. Тоже мне, мелкотравчатый! Вот я под гон их и подстроился.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.